

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ I.

ПРЕДВѢСТНИКИ И ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», Б. Подъячская, № 39.

1909.

3386

ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ

ВЪ РОССІИ

ВЪ НАЧАЛѢ XX-го ВѢКА.

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

Л. Мартова, П. Маслова и А. Потресова.

Томъ I.

ПРЕДВѢСТНИКИ и ОСНОВНЫЯ ПРИЧИНЫ ДВИЖЕНІЯ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія т-ва «Общественная Польза», В. Подъячская, № 39.

1909.

Оглавление.

стр.

Отъ редакціи.

Экономическое состояніе страны и эволюція хозяйственныхъ отношеній.

П. П. МАСЛОВЪ. Развитие земледѣлія и положеніе крестьянъ до начала XX вѣка	1
М. БАЛАБАНОВЪ. Промышленность Россіи въ началѣ XX вѣка.	
I. Итоги къ началу XX вѣка	39
II. Промышленный кризисъ начала XX вѣка	58
В. А. МУКОСЪЕВЪ. Торговля и кредитъ. (Процессъ образованія рынка и его положеніе передъ революціей).	
I. Внутренняя торговля	88
II. Внѣшняя торговля	130
III. Кредитъ	138
X М. БОГОЛѢПОВЪ. Государственное хозяйство и финансовая политика правительства	151

Движеніе общественныхъ классовъ и группъ. Политика. Идеологія.

X Д. КОЛЬЦОВЪ. Рабочіе въ 1890—1904 гг.	183
ВЛ. ГОРНЪ. Крестьянское движеніе до 1905 г.	230
Н. ЧЕРЕВАНИНЪ. Движеніе интеллигенціи. (До эпохи „довѣрія“ кн. Святополка-Мирскаго).	
1. Нѣсколько вступительныхъ замѣчаній	259
2. Студенческое движеніе въ 90-хъ годахъ	261
3. Движеніе земской интеллигенціи („третьяго элемента“) въ 90-хъ годахъ	268
4. Движеніе интеллигенціи въ 90-хъ годахъ въ его цѣломъ	272
5. Студенческое движеніе въ 1899 г.	273
6. Революціонныя выступленія студенчества и интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ.	276
7. Оппозиціонныя выступленія интеллигенціи въ началѣ 900-хъ годовъ	284
В. ВЕСЕЛОВСКІЙ. Движеніе землевладѣльцевъ	291
А. ЕРМАНСКІЙ. Крупная буржуазія до 1905 года.	
I. Положеніе крупной буржуазіи	313
II. Давленіе промышленниковъ на правительственный механизмъ	317
III. Главнѣйшія черты дѣятельности крупной буржуазіи	322
IV. Отношеніе буржуазіи къ рабочимъ	328
V. Постоянныя организаціи промышленниковъ	332
VI. Всероссийскіе торговопромышленные съѣзды	341

	стр.
З. ЛЕНСКИЙ. Национальное движение	349
А. ЕГОРОВЪ. Зарождение политических партий и ихъ дѣятельность.	
I. „Народовольцы“, „Народн. Право“ и либерализмъ въ 90-хъ годахъ	372
II. Соціалъ-демократы въ 90-хъ гг.	375
III. Либеральная демократія	385
IV. Соціалъ-демократія въ періодъ 1900—1904 гг.	398
V. Революціонное народничество	414
Ф. ДАНИЛОВЪ. Общая политика правительства и государственный строй къ началу XX вѣка.	
I. Созданіе и упроченіе строя	422
II. Передъ ликвидаціей	446
М. НЕВЪДОМСКИЙ. Наша художественная литература предреволюціонной эпохи	483
А. ПОТРЕСОВЪ. Эволюція общественно-политической мысли въ предреволюціонную эпоху.	
I. Періодъ безнародности	538
II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма	556
III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ	584
IV. Періодъ партійной политики	607

И т о г и.

П. П. МАСЛОВЪ. Развѣтіе народнаго хозяйства и вліяніе его на борьбу классовъ въ XIX вѣкѣ	643
Л. М. Итоги политическаго развѣтія	663

Въ статьѣ Ф. Данилова просимъ исправить слѣдующія опечатки:

Стран.	Строка.	Напечатано.	Нужно.
426	13 снизу	всему	всякому
427	20 „	наши	нити
428	21 сверху	осторожнѣе	осторожнѣе“
„	23 „	вносить	„вносить
429	21 снизу	раздробленныя	раздробительныя
432	14 „	1886	1866
441	12 сверху	Дворянскій	учрежденъ Дворянскій
445	15 снизу	невамѣченныя	незалѣченныя
446	21-22 „	подавляемаго	подавляемую

Чтобы выйти из тупика на просторъ накопившейся энергіи демократическихъ общественныхъ круговъ, надо было во что бы то ни стало прорвать порочный кругъ традиционныхъ категорій прежней концепціи, а для этой—своего рода—идейной революціи нужна была *точка опоры*, которая, эмансипируя отъ прошлаго, въ то же время раскрывала бы горизонты и для ближайшаго будущаго. Эта *точка опоры* была найдена въ томъ процессѣ капиталистическаго преобразованія Россіи, который именно въ тѣ годы справлялъ свои оргіи, и въ непосредственномъ продуктѣ этого процесса, промышленномъ пролетаріатѣ, который какъ разъ начиналъ свое движеніе. Перемѣщеніе вниманія къ новому идеологическому центру знаменовало собою начало новой эры въ пред-революціонной эпохѣ.

II. Предварительная работа Группы Освобожденія Труда. Гегемонія марксизма.

Идеологическій центръ періода, къ разсмотрѣнію котораго мы переходимъ, не былъ уже центромъ, общимъ для всего оппозиціонно-революціоннаго цѣлаго. Напротивъ того, поскольку онъ врывался въ это цѣлое, онъ его расщеплялъ, заставляя изъ него выдѣляться большинство дѣеспособныхъ элементовъ интеллигентской демократіи. Дружелюбно-сосѣдскія отношенія направлений предъидущаго періода растаяли, какъ дымъ. Ихъ смѣнила ожесточенная борьба двухъ укладовъ, двухъ сферъ притяженія: съ одной стороны,—циклъ идей, вращавшихся вокругъ кустарно-земледѣльческаго строя деревни, какъ центральной оси, и съ другой—идеологія города по преимуществу,—или точнѣе, идеологія тѣхъ изъ его элементовъ, которые, въ той или иной формѣ, ощутили свою связь съ идущимъ впередъ промышленнымъ развитіемъ Россіи. Это были элементы двоякаго рода: тѣ буржуазно-демократическіе элементы, во-первыхъ, въ представленіи которыхъ капиталистическое развитіе Россіи довлѣло себѣ, какъ нѣчто самоцѣльное, являясь въ то же время эмблемой ея политическаго освобожденія, и во-вторыхъ, тѣ социалистическіе элементы революціонно-настроенной интеллигенціи, которые сплетали судьбу свою съ судьбой пролетаріата.

Но и тѣ, и другіе вступали въ этотъ новый періодъ предреволюціонной эпохи подъ однимъ общимъ антинародническимъ знаменемъ, воспринимая или лишь слегка видоизмѣняя аргументацію, взятую цѣликомъ изъ арсенала революціоннаго русскаго марксизма, сложившагося еще въ первой половинѣ 80-хъ годовъ, какъ результатъ взаимодействія умственной жизни социалистической Европы и разочарованія извѣстной части революціонныхъ народниковъ въ своихъ собственныхъ народническихъ взглядахъ.

Опредѣляя, такимъ образомъ, моментъ, мы сказали бы: борьба по всей линіи противъ изжитой идеологіи предъидущаго періода и недифференцированность, часто слитность теченій, по существу разнородныхъ, но объединенныхъ сознаниемъ, что изъ политическаго тупика, въ которомъ находилась Россія, выходъ—лишь на пути, который проложить массовое движеніе ея рабочаго класса. Это сознание создавало гегемонію марксизму, которая до поры до времени погашала или, по крайней мѣрѣ, затѣняла всѣ наличные и потенциально-возможные конфликты между данными теченіями. Но если въ этой борьбѣ съ

народничествомъ и въ этомъ расцвѣтѣ марксизма съ его буржуазно-демократическими спутниками и буржуазнымъ резонансомъ характеристическая особенность разсматриваемаго нами періода, то естественно, что мы концентрируемъ на этихъ явленіяхъ наше вниманіе, минуя тѣ варіаціи старыхъ мотивовъ, которыя представляла собою за тотъ же періодъ литература либеральнаго народничества и народничающаго либерализма.

Но эта борьба марксизма съ народничествомъ въ 90-хъ годахъ, какъ мы уже отмѣтили, воспроизводила въ существенныхъ чертахъ лишь тотъ споръ, который былъ поднятъ въ 83 году, за границей, литературнымъ выступленіемъ социалдемократической «Группы Освобожденія Труда», и то оружіе, которымъ поражали марксисты теперь—въ легальной литературѣ—эпигоновъ народничества, вроде В. В. и писателей изъ «Русскаго Богатства», было выковано еще тогда, когда Плехановъ въ изданіяхъ русскихъ социалдемократовъ подводилъ идейный итогъ революціонному движенію 70-хъ годовъ въ приснопамятной полемикѣ съ Тихомировымъ.

Вотъ почему, соблюдая перспективу, намъ приходится сдѣлать предварительно отступление въ прошлое—къ первоисточникамъ многихъ изъ тѣхъ тезисовъ, которые обращались давно въ революціонно-марксистскихъ кружкахъ, но всплыли на поверхность общественно-политической жизни только къ срединѣ 90-хъ годовъ, уже послѣ того какъ развернувшееся стачечное движеніе рабочаго класса приковало къ марксизму вниманіе широкихъ слоевъ демократической интеллигенціи, переживавшей какъ разъ въ то время критическій моментъ перелома въ своихъ общественныхъ взглядахъ.

Можно сказать: если марксизмъ 90-хъ годовъ представлялъ собою сложную реакцію *различныхъ группъ демократіи* противъ тѣхъ идеологическихъ чертъ предъидущаго періода, съ которыми ассоціировалось представленіе о политическомъ безсиліи этого періода, непосредственно примыкавшаго къ эпохѣ полнѣйшей общественной депрессіи, то марксизмъ Группы Освобожденія Труда явился отвѣтомъ на тотъ проклятый вопросъ—что дѣлать?—который былъ поставленъ передъ *революціонно-соціалистической интеллигенціей* крушеніемъ героическаго движенія народниковъ и народовольцевъ. Но это былъ отвѣтъ, для своего времени завѣдомо обреченный на изолированность, ибо отвѣтъ, дававшійся тогда быстро падавшимъ политическимъ настроеніемъ эпохи, не только не шелъ на встрѣчу задачамъ, выдвигавшимся идеологіей русской социалдемократіи, а, наоборотъ, ликвидировалъ революціонное прошлое отказомъ и отъ социализма, и отъ революціонной борьбы, постепенно пропитывая рѣдѣвшіе ряды революціонно-соціалистической интеллигенціи идейными мотивами упадка.

Нужны были исключительныя условія, нужна была, быть можетъ, вся экзотичность эмиграціи, нужны были «годы пребыванія за границей и внимательнаго изученія соціальнаго вопроса», о которыхъ говоритъ Плехановъ въ предисловіи къ брошюрѣ «Соціализмъ и Политическая борьба», чтобы, исходя изъ *практическихъ потребностей* революціонно-соціалистическаго движенія, произвести тотъ анализъ общественнаго развитія и наличныхъ общественныхъ

силъ и сдѣлать ту постановку политической задачи, которые выполнилъ русский марксизмъ въ своихъ первыхъ же работахъ.

А практическія потребности этого движенія говорили о томъ, что политическая борьба есть неизбежный выводъ изъ революціоннаго опыта и что этотъ выводъ находится въ непримиримомъ противорѣчіи съ основными предпосылками народничества.

Въ самомъ дѣлѣ: революціонное народничество, это значило—точка зрѣнія антигосударственности, вѣра въ самобытное развитіе Россіи, въ общинно-артельныя устои ея крестьянскаго строя, прирожденную социалистичность крестьянства—этой единственной гарантіи осуществимости социалистическихъ идеаловъ народниковъ. Стоя на почвѣ этихъ взглядовъ, естественно было первымъ и послѣднимъ параграфомъ своей практической программы признать—помощь народу въ его антигосударственной борьбѣ, которая завершится непосредственно крушеніемъ государственной власти и наступленіемъ эры социальной свободы и экономического равенства. Съ этой точки зрѣнія, какъ и съ точки зрѣнія бланкистовъ и послѣдователей Лавровскаго «Впередъ», правовой строй, который могъ бы явиться въ результатѣ борьбы за политическую свободу, былъ столь же ненавистенъ въ своемъ качествѣ буржуазнаго грѣхопаденія, открывающаго двери капиталистическому развитію и тѣмъ самымъ отдаляющаго торжество социалистическаго идеала, сколь ненавистенъ и всякій экономическій прогрессъ, разлагающій крестьянскіе устои.

Ясно, эта теорія стояла на пути тому насыщенію «политикой» революціонно-социалистическаго движенія, которое шло, непрерывно усиливаясь и, наконецъ, въ народовольствѣ вступило въ непосредственный конфликтъ съ исходными положеніями движенія. «Ходъ вещей» обогналъ «ходъ идей», но несоотвѣтствіе между ними приводило народовольчество не къ отказу отъ старой теоріи, а къ тому взаимоприспособленію теоріи и практики, которое нашло свой выходъ въ построеніи фикцій вродѣ теоріи захвата власти или извѣстнаго «пророчества о томъ, что въ будущемъ русскомъ учредительномъ собраніи 90% депутатовъ явятся сторонниками социалистической революціи»¹⁾.

«Народная Воля», говорилъ Плехановъ, нанесла «своей практической дѣятельностью смертельный ударъ всѣмъ традиціямъ правовѣрнаго народничества». Но только путемъ радикальнаго пересмотра своихъ теоретическихъ и въ своемъ существѣ—народническихъ взглядовъ она можетъ правильно поставить свою политическую цѣль и опредѣлить свою партійную задачу. А политическая—и «единственная, не фантастическая», цѣль, стоявшая, по мнѣнію Плеханова, передъ русскими социалистами, заключалась въ «завоеваніи свободныхъ политическихъ учрежденій, съ одной стороны, и выработкѣ элементовъ для образованія будущей рабочей социалистической партіи Россіи—съ другой»²⁾. Русскіе социалисты «должны выставить, писалъ онъ, требованіе демократической конституціи, которая, вмѣстѣ съ «правами человѣка», обезпечила бы рабочимъ «права гражданина» и дала бы имъ, путемъ всеобщаго избирательнаго права, возможность

¹⁾ Плехановъ, „Соціал. и Политич. борьба“, стр. 22 и др.

²⁾ Ibid., стр. 68.

активного участія въ политической жизни страны. Не пугая никого далекимъ пока «краснымъ призракѣмъ», такая политическая программа вызвала бы въ нашей революціонной партіи сочувствіе всѣхъ, не принадлежащихъ къ систематическимъ противникамъ демократіи; вмѣстѣ съ социалистами подъ ней могли бы подписаться очень многіе представители нашего либерализма. И между тѣмъ, какъ захватъ власти той или другой тайной революціонной организаціей всегда останется лишь дѣломъ этой организаціи... агитація въ пользу названной программы была бы дѣломъ всего русскаго общества, въ которомъ она усиливала бы сознательное стремленіе къ политическому освобожденію»¹⁾.

И въ другомъ мѣстѣ: «связывать въ одно два такихъ существенно различныхъ дѣла, какъ низверженіе абсолютизма и социалистическая революція, вести революціонную борьбу съ расчетомъ на то, что эти моменты общественнаго развитія *совпадутъ* въ исторіи нашего отечества—*значитъ отдалять наступленіе и того, и другого*».

Такъ, въ первомъ же произведеніи русскаго марксизма, политическое преобразование Россіи отдѣлялось по времени отъ социалистическаго переворота. Это была точка зрѣнія, чреватая большими практическими послѣдствіями; послѣдствіями, которыя должны были измѣнить политическую позицію социалистовъ въ ряду другихъ направленій и группъ. Но эта точка зрѣнія уже предполагала доказанными все рѣшающее значеніе политической борьбы для приближенія и осуществленія социалистическаго строя и, стало быть, опровергнутому—аполитицизмъ народниковъ, стоявшій въ непосредственной связи съ «прудоновско-бакунистскимъ ученіемъ о государствѣ». Поэтому, русскій марксизмъ, опираясь на политическій примѣръ европейскаго пролетаріата, аргументируя исторіей всѣхъ классовъ, дѣлавшихъ политическую борьбу орудіемъ для достиженія своихъ социальнo-экономическихъ цѣлей, какъ и въ соответствии съ общими положеніями доктрины научнаго социализма, началъ съ утвержденія тезиса, гласшаго, что политическая борьба есть необходимое средство социальнаго переустройства и что эта борьба есть политическая борьба пролетаріата, слагающагося въ самостоятельную рабочую социалистическую партію.

Этотъ тезисъ, въ свою очередь, однако, опирался ^{на} въ ту общую концепцію современнаго общественнаго развитія, согласно которой возникновеніе, ростъ и побѣда пролетарскаго движенія, а, слѣдовательно—и социализма, находятся въ непосредственной связи съ развитіемъ капитализма.

Передъ марксистскимъ анализомъ вставала, такимъ образомъ, и другая, подлежащая рѣшенію, предпосылка политической проблемы—вопросъ о капиталистическомъ развитіи Россіи. Это былъ центральный вопросъ. Съ тѣмъ или другимъ его рѣшеніемъ держалась или падала, какъ основа народничества, такъ и его производная—народовольческая концепція предстоящей революціи.

Рѣшеніе его намѣчалось уже въ брошюрѣ «Социализмъ и Политическая борьба». Обстоятельный отвѣтъ былъ данъ въ «Нашихъ разногласіяхъ» Плеханова.

Развивается ли капитализмъ и существуютъ ли въ Россіи вообще предпо-

¹⁾ Тамъ же, стр. 89.

сылки для его развитія? Тихоміровъ вслѣдъ за В. В. утверждалъ, что таковыхъ не имѣется, что въ Россіи нѣтъ тѣхъ громаднхъ рынковъ, которые были у западно-европейскаго капитала, а есть, наоборотъ, непосильная для русской промышленности конкуренція европейскаго и американскаго производства.

Но и въ западной Европѣ въ свое время, говорилъ Плехановъ, «частный предприниматель вовсе не имѣлъ передъ собою громаднхъ рынковъ. Буржуазія создала рынки, а не застала ихъ готовыми». А затѣмъ: «когда развитіе промышленности доходило въ одной изъ этихъ (зап.-европ.) странъ до извѣстной степени интенсивности, когда представители капитала достигали такой силы и такого вліянія, что могли дѣлать законодательство орудіемъ своихъ цѣлей», оказывалось, что «частный предприниматель въ каждомъ начинаніи встрѣчаетъ «непосильную конкуренцію» со стороны сосѣднихъ странъ»¹⁾. И тогда начиналась эра усиленнаго покровительства промышленности, свидѣтельствующая о томъ, что дѣлались величайшія усилія не только для приобрѣтенія внѣшнихъ, но и для отстаиванія внутренняго рынка. Но кромѣ того, вѣдь капиталистически-отсталыя страны могутъ, до извѣстнаго предѣла, развиваться, и опираясь и на одинъ лишь внутренній рынокъ и «переходъ всякой страны отъ натурального хозяйства къ денежному необходимо сопровождается огромнымъ расширеніемъ ея внутренняго рынка»²⁾.

Факты же русской дѣйствительности краснорѣчиво говорятъ о прогрессѣ фабрично-заводской промышленности, объ усиленіи денежнаго обращенія, о ростѣ кредитныхъ операций, какъ и всего капиталистическаго накопленія вообще. Соответственно этому и вопреки мнѣнію народниковъ, число наемныхъ рабочихъ въ странѣ не представляетъ застывшей величины, а, наоборотъ, непрерывно увеличивается; и къ той же арміи капитала относится и значительная часть кустарей. Въ кустарной промышленности вообще наблюдаются различныя процессы, содержаніе которыхъ все сводится къ подчиненію производителя торгово-промышленному капиталу. Да и самое распространеніе кустарничества, которымъ нерѣдко пародируютъ народники, имѣетъ своимъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, при современныхъ условіяхъ, упадокъ и разложеніе старыхъ «устоевъ». Община разлагается, передѣлы становятся рѣже, все сильнѣе дифференцируется среднее крестьянство на богатыхъ и бѣдныхъ, т. е. создаются двѣ противоположности, заинтересованныя объ въ замѣнѣ «мірскаго владѣнія» «подворно-наслѣдственнымъ», и все болѣе крупный процентъ крестьянъ переноситъ средоточіе своихъ интересовъ за предѣлы общины, продолжая ощущать свою связь съ землей лишь какъ налоговую тяготу³⁾.

Неумѣстенъ, поэтому, вопросъ: пройдетъ ли черезъ школу капитализма Россія — ибо она въ этой школѣ уже находится. «За капитализмъ вся динамика нашей жизни»... «Противъ капитализма лишь болѣе или менѣе сомнительные интересы нѣкоторой части крестьянства, да та сила инерціи, которая, по вре-

¹⁾ „Наши разногласія“, стр. 153.

²⁾ Тамъ же, стр. 154.

³⁾ Ibid., стр. 161 и далѣе.

менамъ, такъ больно дать себѣ чувствовать развитымъ людямъ всякой отсталой земледѣльческой страны ¹⁾»...

Вмѣстѣ же съ паденіемъ традиціоннаго представленія объ экономической самобытности Россіи падала, какъ мы уже замѣтили, и народовольческая концепція предстоящей Россіи революціи. Въ самомъ дѣлѣ, концепція самобытнаго экономического развитія, создавая идеализацію крестьянства, давала въ свое время опору для работы въ народѣ аполитическому народничеству. Но, отираясь отъ той же концепціи, отказавшееся отъ дѣятельности въ народной средѣ народо-вольчество приходило къ обоснованію своей заговорнической дѣятельности: если русскій народъ уже готовъ для социальной революціи, его нечего пропагандировать, надо только своею разрушительной дѣятельностью устранить ту правительственную власть, которая является единственной помѣхой революціи. А это тѣмъ болѣе возможно, что «между страдающимъ народомъ и угнетающимъ его государствомъ у насъ нѣтъ никакого средняго сословія», нѣтъ буржуазіи. ²⁾

Марксизмъ до основанія разрушалъ этотъ бланкизмъ на русской подкладкѣ, этотъ «помолодѣвшій ткачевизмъ», какъ называлъ его Плехановъ. Въ измѣнившейся концепціи экономического развитія Россіи не было уже болѣе мѣста для соотношенія силъ, ложившагося въ основаніе расчетовъ народо-вольчества, но было мѣсто—и центральное мѣсто—для растущаго пролетаріата и его классовой борьбы—съ коммунистической революціей въ качествѣ конечной цѣли—съ ролью освободителя *par excellence* въ ближайшей борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи. Съ точки зрѣнія марксизма, только рабочій классъ можетъ взять на себя «иниціативу коммунистическаго движенія, и только рабочій классъ можетъ выполнить въ Россіи ликвидацію существующаго стараго режима. Правда: «широкое рабочее движеніе предполагаетъ хоть временное торжество въ данной странѣ хоть отчасти только свободныхъ учреждений. Но завоевать эти учреждения, въ свою очередь, невозможно безъ политической поддержки наиболее передовыхъ слоевъ народа. Гдѣ же выходъ? Западно-европейская исторія разрывала этотъ заколдованный кругъ путемъ медленнаго политическаго воспитанія рабочаго класса». ³⁾

Ясно, что въ соотвѣтствіи съ этимъ, передъ русскими социалистами вставала задача—не утопическая задача захвата власти революціоннымъ комитетомъ, ибо никакой исполнительный или другой комитетъ, говорилъ Плехановъ, не можетъ, точно адвокатъ кліента на судѣ, представлять рабочаго класса въ исторіи,—а задача содѣйствія образованію и созданію рабочей социалистической партіи. И если рабочій классъ, что несомнѣнно, очень важенъ для революціи, то съ другой стороны, социалистамъ необходимо подумать о томъ, чтобы революція была полезна для трудящагося населенія страны. А въ этомъ отношеніи можно съ увѣренностью сказать: «рабочій классъ извлечетъ тѣмъ большую пользу изъ своей политической борьбы, чѣмъ яснѣе будетъ для него связь между его экономическими нуждами и политическими правами. Въ «западно-европейскихъ странахъ»

¹⁾ „Наши разногласія“, стр. 203.

²⁾ Ibid., см. главу: „Характеръ предстоящей революціи“, стр. 215, 217 и др.

³⁾ Ibid., стр. 294.

пролетариатъ очень часто боролся противъ абсолютизма подъ знаменемъ и подъ верховнымъ руководствомъ буржуазіи. У насъ въ Россіи «общество» лишено такого вліянія на рабочій классъ, и благодаря этому обстоятельству тѣмъ легче задача социалистовъ. Они должны указать рабочимъ ихъ собственное, рабочее знамя, дать имъ вожаковъ изъ ихъ собственной рабочей среды, короче, должны позаботиться о томъ, чтобы не буржуазное «общество», а тайныя рабочія организаціи приобрѣли господствующее вліяніе на умы рабочихъ. Этимъ въ значительной степени ускорится образованіе и ростъ русской рабочей социалистической партіи, которая сумѣетъ завоевать себѣ почетное мѣсто среди другихъ партій, послѣ того какъ она еще въ пеленкахъ способствовала паденію абсолютизма и торжеству политической свободы»¹⁾. Русскимъ социалистамъ «нужно только проиницироваться принципами современной социальной демократіи, и, не ограничиваясь политической пропагандой, постоянно внушать своимъ слушателямъ, что «экономическое освобожденіе есть великая цѣль, которой всякое политическое движеніе подчинено, какъ средство». Усвоивши эту мысль, нашъ рабочій классъ самъ уже сумѣетъ пройти между Сциллой и Харибдой, между политической реакціей государственнаго социализма и экономическимъ шарлатанствомъ либеральной буржуазіи»...²⁾

Такова была въ общемъ линія движенія мысли революціоннаго русскаго марксизма. Отъ политической проблемы, подлежащей согласованію съ проблемой социализма, черезъ критику «экономики» народничества и «политики» народо-вольчества къ комплексу идей, явившемуся базисомъ, на основѣ котораго воздвигались затѣмъ всѣ дальнѣйшія построенія русскаго марксизма. Эти построенія въ своемъ существѣ уже только конкретизировали, развивали и примѣняли въ деталяхъ ту общую точку зрѣнія на социально-экономическое развитіе Россіи и вытекавшія изъ него для социалистовъ политическія задачи, которая сложилась въ этомъ первичномъ фазисѣ формированія революціоннаго марксизма.

Но эта послѣдующая работа революціоннаго марксизма происходила уже въ атмосферѣ, существенно отличной отъ той, которая окружала марксизмъ въ моментъ его зарожденія. Если въ своемъ первомъ фазисѣ марксизмъ развивался въ борьбѣ съ революціоннымъ утопизмомъ народо-вольчества, то въ позднѣйшемъ ему приходилось бороться въ первую голову съ конституціоннымъ утопизмомъ россійскаго либерализма, все болѣе и болѣе становившагося въ то время камертономъ и для народничества, потерявшаго вѣру въ народъ и приобрѣтавшаго отчетливо выраженный мелкобуржуазный характеръ, и для народо-вольчества, въ своихъ литературныхъ заявленіяхъ того времени проявлявшаго неукоснительное движеніе вправо.

Это былъ знаменательный моментъ, когда ренегатство Тихомірова было такимъ же почти симптоматическимъ явленіемъ, какъ и проповѣдь забвенія социалистами своихъ социалистическихъ задачъ во имя интересовъ сближенія съ «обществомъ» со стороны органовъ типа женевской «Свободной Россіи». Тогда-то марксизмъ подошелъ вплотную къ такимъ характернымъ для русскихъ идеологій понятіямъ, какъ «общество», «интеллигенція».

¹⁾ «Наши разногласія», стр. 297.

²⁾ Ibid., стр. 298.

Уже полемика съ идеями Народной Воли представляла собою протестъ марксизма противъ попытки инициативу народа замѣнить инициативой революціонной интеллигенціи. Интеллигенція бессильна сама по себѣ совершить не только коммунистическую революцію, но и ближайшее освобожденіе Россіи отъ власти абсолютнаго режима. Русская интеллигенція, говорилъ Плехановъ, являясь плодомъ Петровскаго переворота, т. е. прививки европейскихъ понятій русскому обществу, была «умной ненужностью», по выраженію Герцена, или слоемъ «лишнихъ людей» до тѣхъ поръ, пока она существовала «на социальной основѣ, восходящей чуть ли не къ одинадцатому столѣтію». Только «съ разрушеніемъ старой экономической основы русскихъ общественныхъ отношеній, съ появленіемъ у насъ рабочаго класса измѣняется положеніе интеллигенціи»... Только найдя въ рабочихъ «народъ» и неся къ нимъ знаніе, «наши революціонеры изъ «интеллигенціи» могутъ стать могучимъ факторомъ общественнаго развитія, они, которые нерѣдко въ полномъ отчаяніи опускали руки, напрасно мѣняя программу за программой»... ¹⁾ И они тогда будутъ дѣлать то единственное историческое дѣло, которое они могутъ сдѣлать и сдѣлать должны и которое въ эпохи буржуазныхъ революцій всегда дѣлали революціонеры изъ буржуазной среды—добавляла съ своей стороны В. И. Засуличъ. «Въ этомъ посредничествѣ, писала она, между революціонной мыслью и революціоннымъ классомъ, между наукой и рабочими, заключалась вся историческая задача революціонныхъ элементовъ образованнаго общества въ Европѣ». ²⁾ И наоборотъ: наши революціонеры изъ интеллигенціи сведутъ себя на нѣтъ и безрезультатно «исчезнутъ», «не усиливши этимъ, вдобавокъ, ни на волосъ партіи мирныхъ конституціоналистовъ», если, согласно совѣтамъ публицистовъ «Свободной Россіи» (Драгоманова, Бурцева, Дебагорія-Мокріевича), обратятъ свои усилія на «общество», въ надеждѣ на его исправленіе ³⁾.

Да и велики ли «шансы побѣды общества надъ правительствомъ?»—спрашивалъ Плехановъ. «Что понимается обыкновенно подъ словомъ общество?.. Во-первыхъ, очевидно, не люди народа, а люди высшихъ и среднихъ классовъ, а во-вторыхъ—люди, обладающіе хоть какою нибудь долею образованія, люди, умственный горизонтъ которыхъ выходитъ за предѣлы ихъ личныхъ интересовъ. Много ли такихъ людей въ Россіи? И могутъ ли эти люди побѣдить правительство одними только своими силами. Возьмите исторію Франціи, припомните исторію Германіи. Кто сражался на баррикадахъ въ Іюль 1830 г., общество или народъ? Кто сломилъ монархію Луи Филиппа, рабочій классъ или буржуазія?.. Изъ всѣхъ слоевъ, составляющихъ такъ называемое общество или находящихся въ близкой родственной связи съ ними, только студенчество, да такъ называемая богема (то же, что нашъ братъ нигилистъ) имѣли мужество становиться лицомъ къ лицу съ вооруженной силой правительства»... «Всѣ революціонныя попытки вѣмецкой молодежи кончались полнѣйшей неудачей, вся оппозиція такъ называемаго общества не приводила ни къ чему до тѣхъ поръ, пока не проснулось городское рабочее населеніе. Это значитъ, что общество бессильно безъ поддержки

¹⁾ Плехановъ „Горе г. Тихомірова“, стр. 41.

²⁾ В. И. Засуличъ. Ст. „Революціонеры изъ буржуазной среды“. Соціал-демократъ № 1. 1890 г. Перепеч. въ Сборникѣ статей. Т. I, стр. 51.

³⁾ Ibidem, стр. 43.

народа или, по крайней мѣрѣ, наиболѣе развитой, наиболѣе революціонной части народа—т. е. рабочихъ»... Отсюда съ совершенною очевидностію явствуетъ, что «приглашая социалистовъ оставить на время всякую мысль о пропагандѣ въ рабочей средѣ, наши либералы обнаруживаютъ полное непониманіе своихъ собственныхъ интересовъ. Политическая свобода будетъ завоевана рабочимъ классомъ или ея совѣтъ не будетъ»¹⁾.

Когда то русскіе социалисты-народники думали, что социалистическую революцію легче сдѣлать въ Россіи, чѣмъ на Западѣ. Теперь же конституціоналисты полагаютъ, что «Россія добьется политической свободы съ меньшимъ трудомъ, чѣмъ добились ея западно-европейскія государства. Кажется, русское правительство до сихъ поръ не давало повода до такой степени лестно думать объ его уступчивости»... Оно, конечно, уступило бы, но уступило бы только тогда, когда почувствовало бы за противниками абсолютизма идущую народную массу²⁾.

На что рассчитываютъ конституціоналисты? В. П. Засуличъ произвироваала надъ тѣмъ, что положительная часть практической программы Драгоманова сводится «въ безконечной и безграничной подачѣ прошеній»... Они надѣются на такъ называемую «силу общественнаго мнѣнія» или же на международныя, финансовыя затрудненія. Вообще говоря—замѣчалъ Плехановъ—нѣтъ ничего невозможнаго въ томъ, что такія событія принесутъ Россіи конституцію. Но это будетъ конституція на манеръ турецкой. «Правительство дастъ Земскому Собору время уплатить государственныя долги и найти новые источники обложенія, а затѣмъ въ наше Національное Собраніе явится будочникъ Мымрецовъ и провозгласитъ: «пожалуйте вонъ, господа депутаты»... Кто можетъ помѣнать такой расправѣ? Не правда ли, городскіе рабочіе и только рабочіе»³⁾...

Возражая марксистамъ, указываютъ на крестьянскій, земледѣльческій характеръ Россіи, на «мужика», являющагося «несокрушимой плотиною», о которую должны разбиться всѣ волны западно-европейскаго рабочаго движенія. Но если бы правы были тѣ, кто дѣлаютъ эти возраженія, то въ такомъ случаѣ, правда, «наше дѣло» стало бы «безнадежнымъ», но вмѣстѣ съ этимъ, и при томъ въ гораздо большей степени, обнаружилась бы «безнадежность и вашего дѣла», говорилъ Плехановъ, обращаясь къ конституціоналистамъ. «Если русскій крестьянинъ неспособенъ увлечься соц.-демокр. программой, то еще меньше способенъ онъ проникнуться сознаниемъ прелестей политической свободы»....

Только разложеніе патріархальнаго быта крестьянства и развитіе городского населенія даютъ «смыслъ и оправданіе... конституціонализму... и еще большій смыслъ социаль-демократическому движенію»...⁴⁾.

Тѣ же, кто не видятъ этого процесса экономическаго перерожденія Россіи, должны бы «признать, что всякіе толки о конституціи представляютъ собою переливаніе изъ пустого въ порожнее. Въ такомъ случаѣ правы наши охранители,

¹⁾ Социаль-демократъ. Женева, 1888 г. Плехановъ (за подписью Симплицисимумъ) „Какъ добиваться конституціи“, стр. 7—9. Ср. также рѣчь Плеханова на международномъ социалист. конгрессѣ въ Парижѣ въ 1889 г.

²⁾ Ibid., стр. 10.

³⁾ Ibid., стр. 13.

⁴⁾ Ibid., стр. 13—15 и пр.

которые на всё голоса кричатъ, что конституціонный режимъ противорѣчить духу русскаго народа». Онъ, дѣйствительно, противорѣчить тѣмъ исконнымъ, «устоямъ» народнаго быта, которые съ каждымъ днемъ разрушаются. Вотъ почему такъ часто возвращался Плехановъ—и во внутреннихъ обзорѣняхъ Соціалъ-Демократа, и въ статьяхъ о Глѣбѣ Успенскомъ и Каронинѣ, и по другимъ разнымъ поводамъ—къ этой темѣ—объ европеизаціи Россіи, объ исчезновеніи того «силошнаго» быта, той «власти земли», которая въ соціально-политическомъ отношеніи органически сплетены съ нашимъ старымъ режимомъ.

Но если марксисты такъ рѣзко отрицательно относятся къ конституціоннымъ иллюзіямъ либерализма, то это не значитъ, однако, чтобы они считали «безполезной борьбу высшихъ и среднихъ классовъ противъ правительства». Наоборотъ, они первые «привѣтствовали бы начало такой борьбы», понимая «все ея возможное значеніе», но понимая въ то же время, что «это возможное значеніе не станетъ дѣйствительнымъ до тѣхъ поръ, пока рядомъ съ движеніемъ въ обществѣ не начнется движеніе въ рабочей средѣ» ¹⁾.

Поэтому, когда надвинулось вмѣстѣ съ голоднымъ 1891-мъ годомъ «всероссійское раззореніе», и, казалось, наступалъ моментъ политическаго кризиса, Плехановъ пишетъ статью, въ которой заявляетъ: «Всѣ тѣ честные русскіе люди, которые не принадлежатъ къ міру дѣльцевъ, кулаковъ и русскихъ чиновниковъ, не ищутъ своей личной пользы въ бѣдствіи народа, должны немедленно начать агитацію въ пользу созванія Земскаго Собора, долженствующаго сыграть роль учредительнаго собранія, т. е. положить основы новаго общественнаго порядка въ Россіи»... Конечно, разногласія между партіями будутъ, но... «пусть каждая партія и каждая фракція дѣлаетъ дѣло, подсказываемое ей ея программой. Результатомъ разнородныхъ усилій явится новый общественно-политическій строй, который, во всякомъ случаѣ, будетъ большимъ приобрѣтеніемъ для всѣхъ партій, кромѣ достаточно уже опозорившейся партіи кнута и палки» ²⁾.

Въ отвѣтъ же на высказанныя по этому поводу обвиненія въ томъ, что такая постановка вопроса равносильна отказу отъ классовой борьбы, Плехановъ напоминаетъ извѣстное положеніе Манифеста Коммунистической партіи о томъ, что коммунисты «повсюду поддерживаютъ всякое революціонное движеніе противъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній», и что «въ Германіи коммунистическая партія (соціалъ-демократы того времени) идетъ рядомъ съ буржуазіей въ борьбѣ своей противъ абсолютной монархіи, противъ феодальной собственности и мелкаго мѣщанства. Но ни на минуту не перестаетъ она выработать въ умахъ рабочихъ сознаніе враждебной противоположности интересовъ буржуазіи и пролетаріата», и, слѣдовательно, никогда—даже «на время»—не «отказывается отъ социализма». Мы будемъ «желательными и сильными союзниками другихъ, болѣе или менѣе революціонныхъ, партій»—писалъ онъ—лишь въ той мѣрѣ, въ какой «сумѣемъ распространить среди русскаго пролетаріата наши соціалъ-демократическія идеи. Мы не только не хотимъ раствориться въ какой нибудь другой партіи, но, напротивъ, думаемъ, что русскіе соціалъ-демо-

¹⁾ „Соціалъ-демократъ“ 1888, ст. Плехан. „Какъ добывается конституція“ стр. 26—27.

²⁾ Соціалъ-демократъ, кн. IV, 1892 г. ст. Плеханова „Всероссійское раззореніе“, стр. 101.

краты должны и очень легко могут собрать вокруг своего знамени всё тѣ слои русскаго населенія, самое положеніе которыхъ заставляетъ ихъ колебаться между буржуазіей и пролетаріатомъ. Такъ, напимѣръ, демократическіе элементы «общества», стремящіеся къ политической свободѣ, невольно пойдутъ за соціальной демократіей, если только она явится—а она обязана явиться—самой смѣлой, самой рѣшительной и самой требовательной сторонницей политической свободы»¹⁾.

Точно также и крестьянство, въ лицѣ своего большинства, т. е. бѣднаго крестьянства—не говоря уже про сельскій пролетаріатъ—пойдетъ за соціалъ-демократами, если только соціалъ-демократы сумѣютъ по отношенію къ крестьянству занять правильную позицію.

Въ крестьянскомъ вопросѣ ближайшія экономическія требованія соціалъ-демократовъ въ одно и то же время «и опредѣленны, и неопредѣленны». Въ нихъ нѣтъ опредѣленности—«мелкобуржуазныхъ панацей». Соціалъ-демократы «говорятъ народной массѣ»: «бери все, что сможешь взять въ каждое данное время». «Это, конечно, неопредѣленно, потому что нельзя сказать напередъ, что же именно можетъ взять народъ въ такое-то именно время. Но съ другой стороны это вполне опредѣленно: не довольствоваться никакими уступками со стороны высшихъ классовъ; всегда ставить передъ народомъ максимумъ тѣхъ революціонныхъ требованій,—до которыхъ онъ доросъ въ настоящее время»²⁾. «Мы не будемъ съ увѣренностью предсказывать—говоритъ далѣе Плехановъ—на какихъ началахъ состоится это «возстановленіе крестьянскаго хозяйства», которое осуществлено будетъ Земскимъ Соборомъ, «хотя вѣрнѣе всего, что правъ Энгельсъ, думающій, что крестьянскія земли перейдутъ въ руки новой буржуазіи, но не менѣе вѣрно и то, что въ разгаръ революціоннаго движенія у крестьян можетъ явиться желаніе придать дѣлу другой оборотъ: обезпечить себѣ настоящую, а не на бумагѣ только фигурирующую поземельную собственность. И мы непремѣнно будемъ поддерживать крестьянъ въ такомъ ихъ намѣреніи. Мы стараемся повести ихъ далѣе, вплоть до экспроприации крупныхъ землевладѣльцевъ. А что изъ этого выйдетъ? Выйдетъ могучее революціонное движеніе, отстраниться отъ котораго значило бы измѣнить принципамъ социализма»³⁾.

Мы видимъ, такимъ образомъ,—и эту точку зрѣнія марксизмъ занимаетъ съ перваго же момента своего появленія въ русской общественной жизни—что соціалъ-демократія въ представленіи марксизма отнюдь не является изолированно-стоящей въ борьбѣ за политическое освобожденіе Россіи; нѣтъ, одни элементы непосредственно слѣдуютъ за ней, къ другимъ же—идушимъ за либерализмомъ—она находится въ отношеніи союзника. Либерализмъ и соціалъ-демократія—единственные два «направленія», которыя, по мнѣнію Плеханова, могутъ рассчитывать въ Россіи на будущее. Каковы же общественные элементы либерализма? Извѣстная часть буржуазіи и ея идеологъ—либеральная интеллигенція—отвѣчаетъ Плехановъ на страницахъ журнала «Соціалъ-демократъ», выключая изъ своихъ расчетовъ элементы дворянства, отъ котораго—говоритъ онъ—

¹⁾ Плехановъ „О задачахъ рус. социалистовъ въ борьбѣ съ голодомъ“, рус. изд. 1906 г., стр. 71.

²⁾ Тамъ же, стр. 73—74.

³⁾ Тамъ же, стр. 82.

«можно ожидать теперь главным образом лишь выпрашивания денежных подачек у правительства»¹⁾).

Но идеологъ буржуазіи, либеральная интеллигенція, окрашена въ народническій цвѣтъ и «предпочитаетъ процвѣтаніе знаменитыхъ «крестьянскихъ устоевъ» торжеству буржуазной экономической свободы». Получается своеобразное положеніе: «буржуазная интеллигенція поноситъ ту самую буржуазію, господство которой она подготовляетъ всѣми своими дѣйствіями»²⁾).

Это, однако, то же самое явленіе переживанія буржуазной интеллигенціей, «еще не успѣвшей познать самое себя», «романтическаго періода своего развитія», который проходила буржуазная интеллигенція всѣхъ странъ, — конфликтъ между «буржуа-дѣльцомъ» и «буржуа-идеологомъ».

Что же касается буржуазіи «дѣловой», то ея либерализмъ — пока что — есть дѣло того будущаго, которое наступитъ или — должно наступитъ. «Нѣжность все-россійскаго купечества» къ старому режиму «безъ слѣда исчезнетъ въ тотъ день, когда оно увидитъ, что существующій теперь политическій порядокъ, когда-то очень полезный и даже прямо необходимый для него, сдѣлался источникомъ его раззоренія. Этотъ день уже недалекъ отъ насъ»³⁾. И тогда «несомнѣнно, что ей придется заговорить о реформахъ, а разъ заговоривъ о нихъ, она по необходимости станетъ въ оппозиціонное отношеніе къ существующему теперь политическому порядку»⁴⁾.

Уже позже, во второй половинѣ 90-хъ годовъ П. Б. Аксельроду, въ его извѣстной работѣ «Историческое положеніе и взаимное отношеніе либеральной и социалистической демократіи въ Россіи»⁵⁾, пришлось учесть характерныя для историческаго момента 90-хъ годовъ процессы, съ одной стороны — процессъ сближенія извѣстныхъ круговъ промышленной буржуазіи съ правительствомъ, и съ другой — процессъ медленнаго нарастанія оппозиціоннаго настроенія вокругъ органовъ земства.

«Въ то время, какъ за нашей крупной промышленностью — писалъ Аксельродъ — обезпеченъ огромный національный рынокъ, защищенный противъ иностранной конкуренціи высокими пошлинами, нашему отсталому сельскому хозяйству приходится вести тяжелую борьбу съ мощными соперниками на международномъ рынкѣ»... Русскимъ землевладѣльцамъ «приходится, поэтому, изо дня въ день на собственной шкурѣ испытывать противорѣчіе, возникшее между новыми экономическими условіями существованія Россіи — результатами капиталистическаго развитія — и ея отсталой культурой и устарѣвшими правовыми отношеніями. Крупное землевладѣніе заинтересовано въ болѣе быстромъ промышленномъ развитіи Россіи. Такимъ образомъ, взаимное положеніе классовъ оказывается какъ разъ обратнымъ тому, какимъ оно было во Франціи и въ Германіи въ соотвѣтствующія эпохи. Тамъ оппозиція противъ монархіи разгоралась на почвѣ

¹⁾ „Соціалъ-демокр. Женева 1890 г.

²⁾ Ibidem, стр. 69.

³⁾ Ibidem, стр. 31.

⁴⁾ Ibidem, стр. 33.

⁵⁾ Первоначально она появилась статьями въ Neue Zeit, отдѣльной же брошюрой вышла въ Женевѣ въ 98 г.

общаго антагонизма народныхъ массъ, интеллигенціи и торгово-промышленныхъ классовъ противъ привилегированныхъ сословій. Въ Россіи же, въ которой нѣтъ такихъ сильныхъ сословій, почвой, на которой зарождается сталкиваніе между капиталистическимъ развитіемъ и абсолютизмомъ, является общая ненависть земельного дворянства, интеллигенціи и пролетаризирующихся народныхъ массъ къ экономически господствующему классу капиталистовъ. И хотя, конечно, «сословный антагонизмъ между крестьянами и помѣщиками продолжаетъ существовать и «часть послѣднихъ ищетъ своего спасенія въ милостяхъ» правительства, но—заключаетъ Аксельродъ—«руководящая роль въ этомъ сословіи все же принадлежитъ, главнымъ образомъ, наиболѣе дальновиднымъ и прогрессивнымъ его элементамъ, проникнутымъ духомъ современнаго капитализма. Они обыкновенно руководятъ земствами и направляютъ земскую политику по отношенію къ правительству и народу» ¹⁾.

Мы опять, такимъ образомъ, подошли къ этой эпохѣ, отъ исторіи которой на время уклонились для характеристики идейнаго наслѣдства, полученнаго марксизмомъ того времени отъ предшествовавшей ему десятилѣтней работы Группы Освобожденія труда.

Резюмируя, мы скажемъ: марксизмъ 90-хъ годовъ принялъ въ наслѣдство разработанную въ своихъ основаніяхъ проблему экономическаго развитія Россіи и въ соответствии съ нимъ поставленную проблему ея политическаго освобожденія. Соціализмъ и политическая борьба, пролетаріатъ, какъ движущая сила революціи, и социалистическая интеллигенція, приобретающая значеніе лишь постольку, поскольку она связываетъ себя съ движеніемъ пролетаріата; взаимоотношеніе классовъ (взаимоотношеніе либерализма и социаль-демократіи) въ процессѣ политическаго освобожденія Россіи и, наконецъ,—крестьянскій вопросъ. Вотъ бѣгло намѣченный кругъ идей, въ которомъ работала мысль революціоннаго марксизма за время, когда русскій марксизмъ не имѣлъ за собой еще почвы ни въ растущемъ движеніи рабочаго класса, ни даже въ замѣтномъ теченіи среди интеллигенціи, а былъ своего рода лабораторнымъ продуктомъ группы мыслящихъ русскихъ людей.

¹⁾ Въ заключеніе отмѣтимъ еще только изъ той же работы замѣчанія Аксельрода по вопросу о политическомъ взаимоотношеніи классовъ въ Европѣ и у насъ. Въ Европѣ—говоритъ Аксельродъ—самая свободомыслящая или радикальная буржуазія антиреволюціонна во всѣхъ отношеніяхъ. „Въ Россіи, гдѣ всякій шагъ впередъ въ сферѣ общественной самодѣтельности стоитъ въ принципиальномъ противорѣчій съ государственнымъ порядкомъ, имѣетъ мѣсто обратное явленіе: даже самые умѣренные и осторожные изъ представителей нашего либерализма не свободны отъ „превратныхъ тенденцій“. А р. пролетаріатъ, съ своей стороны, не можетъ на настоящей ступени развитія Россіи идти въ своихъ непосредственныхъ практическихъ стремленіяхъ дальше радикально-демократич. либерализма. О завоеваніи политической власти пролетаріатомъ для себя или о реформѣ буржуазнаго общества подъ знаменемъ социализма, у насъ пока не можетъ быть и рѣчи“ . . . „Итакъ, для принципиальнаго политическаго антагонизма между нашимъ пролетаріатомъ и либеральной буржуазіей историческая почва еще не подготовлена, напротивъ, ихъ обоюдное историческое положеніе навязываетъ имъ общую цѣль и принуждаетъ ихъ къ энергичной постоянной взаимопомощи“ (стр. 13).

Правда, уже съ конца 80-хъ и еще болѣе—съ начала 90-хъ годовъ устанавливается известная связь между идеями марксизма и той пропагандистской работой, которую ведетъ незначительная числомъ революціонно-настроенная часть демократической интеллигенціи въ средѣ рабочаго класса. Въ 90-хъ годахъ эта связь уже настолько упрочивается, такъ сильно влияние на пропагандистовъ самаго факта практической дѣятельности въ средѣ пролетаріата, что идеологія всей той интеллигенціи, которая имѣетъ дѣло съ кружками рабочихъ, окрашивается что дальше, то больше, въ цвѣтъ марксистской теоріи. Какъ на характерную иллюстрацію къ данному положенію, мы можемъ указать на постепенное пропитываніе марксизмомъ—въ теченіе первой половины 90-хъ годовъ—тѣхъ народовольческихъ группъ, которымъ приходилось заниматься этой единственной въ то время въ Россіи реальной практикой революціи ¹⁾.

Но это распространеніе марксизма настолько еще слабо, такъ немногочисленны кружки революціонной интеллигенціи, послѣ народовольческаго краха представляющей изъ себя вообще величину едва замѣтную, съ величайшими усиліями и въ минимальныхъ размѣрахъ вербующую себѣ новыхъ сторонниковъ, что марксизмъ продолжаетъ еще сохранять свой лабораторный характеръ, сильный своей теоретической мыслью и слабый практическимъ воздействиемъ на умы.

Положеніе сразу, однако, мѣняется, какъ только начавшееся рабочее движеніе и переломъ въ умонастроеніи демократической интеллигенціи выводятъ марксизмъ изъ отъединенности лабораторіи въ средоточіе политическихъ интересовъ широкихъ круговъ какъ революціонной, такъ и оппозиціонно-настроенной демократической интеллигенціи.

Оказавшись же въ этомъ средоточіи, ставъ выраженіемъ, лозунгомъ протеста противъ идеологіи предыдущаго періода, марксизмъ, въ свою очередь, вбираетъ въ себя основныя черты этого протеста. Конечно, революціонный марксизмъ Плеханова остается революціоннымъ марксизмомъ и превратившись въ Бельтова, Волгина, Каменскаго, и ставъ временно гостемъ русской подцензурной журналистики. Но марксизмъ, какъ недифференцированное цѣлое, какимъ онъ является въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ второй половины 90-хъ годовъ, марксизмъ, какъ символъ протеста и, слѣдовательно, какъ результатъ сложной комбинаціи революціонно-соціалистическихъ мотивовъ съ буржуазно-демократическими, представляетъ изъ себя уже самъ комбинацію идейнаго запаса предшествующей ему десятилѣтней работы революціоннаго марксизма, съ идеями буржуазныхъ экономистовъ школы Брентано.

Зомбартъ, Шульце-Гевернитцъ, Геркнеръ, всѣ тѣ изъ молодого поколѣнія германскихъ ученыхъ того времени, которые восприняли и въ своихъ цѣляхъ использовали нѣкоторыя положенія марксизма, всѣ они являлись не только подспорьемъ въ борьбѣ марксизма съ народничествомъ, но и серьезнымъ источникомъ при формированіи известнаго оттенка въ русскомъ марксизмѣ.

И въ этомъ смыслѣ знаменателенъ уже самый дебютъ такъ называемаго

¹⁾ Мы имѣемъ въ виду издателей такъ называемаго „Летучаго Листка“ народовольцевъ, которые четвертымъ номеромъ своего неперіодическаго органа, выходившаго въ Россіи, вызвали такую ожесточенную реплику и открытый разрывъ со стороны „Группы старыхъ народовольцевъ“.

легальнаго марксизма—его двойственный характер и двойственный характер его успѣха: «Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію» Плеханова-Бельтова ¹⁾ и «Критическія замѣтки» Струве. Если Бельтовъ продолжилъ практическую задачу, поставленную въ «Соціализмъ и Политич. борьбѣ» и въ «Нашихъ Разногласіяхъ» Плеханова, если конечный публицистическій выводъ его книги заключался въ призывѣ, обращенномъ къ рев. интеллигенціи — не «оставлять свѣтильника въ тѣсномъ кабинетѣ интеллигенціи», а идти въ ту массу «толпу», которая сама «станетъ героемъ историческаго дѣйствія», когда «въ ней, въ этой сѣрой массѣ, разовьется соответствующее этому самосознанію», то книга Струве дала себѣ самоопредѣленіе въ своемъ столь же извѣстномъ, сколь и двусмысленномъ заключительномъ аккордѣ—«признаемъ нашу некультурность и пойдемъ на выучку къ капитализму».

Конечно, и Бельтовъ—по условіямъ своего появленія въ свѣтъ — какъ и вся революціонная разновидность марксизма въ легальной литературѣ, не могъ во всемъ ихъ объемѣ и во всей ихъ конкретности охватить тѣхъ вопросовъ, которые составляли идейно-политическое содержаніе марксизма Группы Освобожденія Труда. Цѣлый рядъ вопросовъ былъ съ очереди снятъ, самый предметъ разногласія передвинутъ изъ сферы непосредственно примыкавшей къ политикѣ въ область теоретическихъ тезисовъ, находящихся лишь въ болѣе отдаленномъ отношеніи къ практически-политическимъ выводамъ. Діалектическій матеріализмъ и его историческое происхожденіе, свобода и необходимость, взаимоотношеніе бытія и сознанія, экономическій «базисъ» и идеологическая «надстройка», Михайловскій—въ роли критика матеріализма и Михайловскій, возводящій небылицы на русскихъ «учениковъ», и, наконецъ, параллель между «субъективизмомъ» Михайловскаго и нѣмецкимъ «истиннымъ соціализмомъ» сороковыхъ годовъ—вотъ темы, трактовавшіяся Бельтовымъ, изъ-за которыхъ, однако, обрисовывались контуры вопросовъ—о развитіи капитализма въ Россіи, о всемірной освободительной роли рабочаго движенія и о роли рабочаго движенія въ политическомъ освобожденіи Россіи.

Эти, казалось, абстрактныя темы были связаны одной объединяющей мыслью: онѣ теоретически обосновывали надежду, открывавшуюся передъ интеллигенціей съ момента начала въ Россіи движенія пролетаріата. И въ этомъ ихъ свойствѣ заключалась характерная черта всего русскаго марксизма того времени, его сила магнита. Именно поэтому къ марксизму тяготѣла вся та интеллигенція, которая была революціонно настроена, и не только она, а и вообще демократическая интеллигенція, ликвидировавшая свой періодъ безнародности и въ пролетаріатѣ нашедшая «народъ», т. е. ту виѣшнюю спасительную силу, которая, возмѣщая ея, интеллигенціи, собственное безсиліе и давно угасшіе расчеты на крестьянство, могла бы взять на себя разрѣшеніе очередной задачи политическаго осво-

¹⁾ Изъ работъ Плеханова за этотъ періодъ „легальнаго марксизма“ отмѣтимъ: статьи въ марксистскомъ сборникѣ 95 г. о Чаадаевѣ и отвѣтъ Михайловскому, книгу А. Волгина: „Обоснованіе народничества въ трудахъ г. Воронцова“, письмо въ редакцію „Русской Мысли“ 1906 г., сент. (за подписью Ушакова) и статьи въ „Новомъ Словѣ“ (Каменскій, „Судьбы русской критики“, и о Лабріолѣ „О матеріалистическомъ пониманіи исторіи“).

божденія Россіи. Пролетаріатъ, оказавшійся въ центрѣ политическаго кругозора интеллигенціи, представлялъ уже самъ по себѣ, при данныхъ историческихъ условіяхъ, достаточную гарантію успѣха марксистскихъ идей.

Въ самомъ дѣлѣ, если прежде демократическая интеллигенція, своимъ міросозерцаніемъ связанная съ крестьянскимъ укладомъ, отстаивала интересы и доказывала жизнеспособность такъ называемаго «народнаго производства», то теперь ей было существенно важно и даже прямо необходимо доказать обратное: не то, что традиціонные «устои» — въ видѣ общины, артели, кустарной промышленности, — сохраняются, не то, что Россія идетъ своимъ особымъ путемъ экономическаго развитія, а что, наоборотъ, крестьянство по всей линіи дифференцируется и что капитализмъ растетъ не по днямъ, а по часамъ. Ибо ростъ капитализма означалъ ростъ арміи пролетаріата, означалъ ростъ той силы, съ которой были связаны общественно-политическія перспективы. И если въ предшествующій періодъ безнародности въ концепціяхъ всѣхъ оппозиціонныхъ и революціонныхъ направленій огромное мѣсто занимали «общество», «интеллигенція», а, слѣдовательно, и «личность», то теперь демократическая интеллигенція, нашедшая свой «народъ» въ пролетаріатѣ и, слѣдовательно, заручку въ исторіи, могла съ спокойнымъ сердцемъ «игнорировать» «личность» и «интеллигенцію», какъ «*quantité négligeable*» и объявлять «общество» — «системой реальныхъ и антагонистическихъ силъ», на которую «утопично» возлагать тѣ надежды, которыя такъ недавно еще на него возлагались, а ходъ исторіи вообще — стихійной благодѣтельной силой, въ которой находится единственный залогъ успѣшнаго осуществленія нашихъ стремленій¹⁾.

Но характеризуя этотъ процессъ перестройки понятій въ широкихъ кругахъ демократической интеллигенціи, мы тѣмъ самымъ подходимъ къ общественно-психологической основѣ значенія и успѣха другого изъ участниковъ дебюта легальнаго марксизма. Мы говоримъ о Струве и о его книгѣ «Критическія Забѣтки».

Какъ историческое значеніе книги Бельтова тѣсно связано съ идеей освободителя-пролетаріата и съ революціонной ролью интеллигенціи, идущей на встрѣчу пролетарскому движенію, такъ книга Струве отразила на себѣ моментъ — а бы сказалъ — признанія демократической интеллигенціей капитализма.

До тѣхъ поръ оппозиціонная, какъ и революціонная идеологіи одинаково носили въ Россіи печать ея деревенскаго по преимуществу, крестьянско-помѣстнаго и мелкобуржуазнаго уклада. Этотъ укладъ съ теченіемъ времени приходилъ все въ болѣе рѣзкое противорѣчіе съ процессомъ развитія капитализма и порождалъ идеологическихъ противниковъ этого развитія. Успѣхъ брентанизированнаго марксизма Струве впервые показалъ, что часть демократической интеллигенціи разрываетъ съ гегемоніей стараго уклада, что, наоборотъ, она является связанной тѣсною связью со слагающимся новымъ капиталистическимъ строемъ общественной жизни и что этотъ строй производитъ свое преобразующее дѣйствіе и на самое интеллигенцію, какъ и на ея социальный составъ. Но, конечно, признаніе *sans phrases* капитализма интеллигенціей не могло совер-

¹⁾ Струве, „Критич. Забѣтки“ стр. 71 и статья „Наши утописты“, „Новое Слово“, 97 г., мартъ.

шиться въ исторической обстановкѣ того времени, которому еще предстояло разрѣшить великую проблему политическаго освобожденія Россіи, и тѣмъ менѣе могло совершиться въ моментъ идейной ликвидаціи, своимъ происхожденіемъ обязанной начавшемуся движенію рабочаго класса. Вотъ почему въ результатѣ получилось то единственное въ своемъ родѣ сочетание изъ революціонно-пролетарскихъ и буржуазно-демократическихъ вліяній, какимъ явилось литературное выступленіе Струве.

Съ одной стороны, популяризація идей «экономическаго матеріализма», «доктрины» Маркса и Энгельса, съ другой—«критицизмъ» въ философіи, мальтузіанство въ вопросѣ о народонаселеніи, торопливое заявленіе о томъ, что авторъ, «примыкая» къ «марксизму», «не зараженъ ортодоксіей».

Съ одной стороны, классовая борьба и обобщественленіе производства, какъ и отмежевываніе себя отъ «оптимизма» (школы Brentano), этого—по выраженію Струве—«отраженія Маркса въ буржуазной литературѣ», и съ другой—въ цѣломъ рядѣ конкретныхъ вопросовъ и прежде всего въ вопросѣ капиталистическаго развитія Россіи—вмѣсто классового анализа аргументированіе при посредствѣ такихъ категорій, какъ культура, прогрессъ, и какъ слѣдствіе—двусмысленная позиція, которая могла производить и дѣйствительно производила впечатлѣніе апологетизма. Таковы, напр., разсужденія на тему о томъ, что «единственно разумной и прогрессивной политикой» въ крестьянскомъ вопросѣ для современнаго русскаго государства было бы идти «на встрѣчу исторически неизбежному капиталистическому развитію, смягчая въ то же время его крайности»¹⁾.

Соединеніе идей, казалось бы, несоединимыхъ. Но ему отвѣчало въ жизни еще болѣе противорѣчивое соединеніе элементовъ, которые въ первый и, конечно, въ послѣдній уже разъ въ исторіи русскаго общественнаго развитія сошлись на этомъ тяготившіи къ марксизму. Марксистскимъ становилось все революціонно-активное. Но къ марксизму тяготѣла и та интеллигенція, для которой главнымъ моментомъ въ ея обращеніи къ этому ученію являлось желаніе стать на почву идущаго впередъ процесса капиталистическаго развитія. И, наконецъ, вопросомъ о судьбахъ капитализма въ Россіи въ его постановкѣ марксистами пытались одно время воспользоваться даже и такіе защитники существующаго политическаго строя, какъ напр. реакціонный антиобщинникъ Головинъ или авторъ «всеподданнѣйшаго доклада министра финансовъ».

Но въ общемъ и цѣломъ это была мимолетная накипь, которая тѣмъ быстрое сходила, чѣмъ рельефнѣе начала выступать политическая роль того сложнаго разнороднаго теченія, которое извѣстно подъ общимъ названіемъ легальнаго марксизма 90-хъ годовъ. Но исчезала не одна только накипь на марксизмѣ. Внутри самого легальнаго марксизма происходила эволюція, легко учитываемая хотя бы сравненіемъ «Критическихъ Замѣтокъ» Струве съ марксистскимъ сборникомъ 95 года или съ журналомъ «Новое Слово». Если въ «Критич. Замѣткахъ» по выраженію Тулина²⁾—еще встрѣчается «профессорская» манера разсужденія сверху «о путяхъ и судьбахъ отечества, а не объ отдѣльныхъ классахъ, идущихъ

¹⁾ И. Струве „Критическія Замѣтки“, стр. 281.

²⁾ Матеріалы къ характер. нашего хоз. развитія. 1895 г., ст. Тулина „Экон. содерж. народничества и критика его въ книгѣ г. Струве“, стр. 139.

такимъ-то и такимъ-то путемъ», если въ нихъ было брошено крылатое слово «пойдемъ на выучку къ капитализму», то на позднѣйшихъ этапахъ легально-марксистскаго движенія господствуетъ уже существенно иное и гораздо болѣе определенное отношеніе къ капиталистическому строю, и гораздо отчетливѣе даетъ себя чувствовать классовый анализъ, примененный какъ къ оцѣнкѣ текущихъ явленій дѣйствительности, такъ и къ теоретической борьбѣ съ народничествомъ.

Брентанистская струйка сходила на нѣтъ, не имѣя, пока-что, той почвы, на которой она могла бы найти самостоятельную линію практической политики, и буржуазно-демократическая разновидность марксизма волей-неволей ассимилировалась съ революціоннымъ марксизмомъ въ той общей очередной задачѣ, которая вставала въ то время передъ ними. Волей-неволей потому, что на сознаніе буржуазной демократіи давила картина контраста между начинающимся движеніемъ пролетаріата и отсутствіемъ всякаго движенія въ другихъ общественныхъ классахъ.

Задача же эта заключалась въ разрывѣ съ идейно-политическими традиціями предыдущаго періода. Надо было закрѣпить происходившій поворотъ вниманія демократической интеллигенціи отъ «общества» къ «пролетаріату», т. е. другими словами, поддержать начавшуюся радикализацію демократическихъ слоевъ, которая при помощи марксизма и культа рабочаго движенія освобождала себя отъ привычныхъ имъ надеждъ на возможность осуществленія какихъ бы то ни было перемѣнъ, какъ въ народохозяйственной, такъ и политическихъ сферахъ, созволеніемъ сверху или мирнымъ сотрудничествомъ власти и общества.

Еще Струве въ своихъ «Критическихъ замѣткахъ», подхватывая нить разсужденій Плеханова въ его борьбѣ съ народофильскими взглядами, заговорилъ объ игнорированіи «народнической литературы» «соціологической природы государства»: «отъ государства требуютъ чудесъ, которыхъ оно, конечно, не можетъ творить, забываютъ, что государство есть не только организація порядка, но и организація господства, и что до тѣхъ поръ, пока оно есть выраженіе господства извѣстныхъ общественныхъ классовъ, его экономической политикѣ поставлены извѣстныя границы, что нужно перераспределеніе соціальной силы между отдѣльными классами для того, чтобы государство кореннымъ образомъ измѣнило свой курсъ»¹⁾.

И точно также Бельтовъ посвятилъ немало страницъ въ своей книгѣ про низированію надъ «взглядами утопистовъ конца XIX вѣка, т. е. русскихъ народниковъ и субъективныхъ соціологовъ». Изъ нихъ «у каждаго» — говорилъ онъ — «есть готовый планъ спасенія общины, а съ нею и крестьянства вообще, у каждаго своя «формула прогресса». Слѣдуя рецепту «на грѣхъ и изъ палки выстрѣлишь», они «перепробовали уже великое множество палокъ», вродѣ, напр., крестьянскаго банка; подобно Михайловскому, ожидая особаго пути для разрѣшенія рабочаго вопроса въ Россіи отъ «широкаго государственнаго вмѣшательства», или, какъ Ник. — онъ, устрашая «общество» «примѣромъ Запада. Европы» и «рекомендуя» ему «поправить» сдѣланную «ошибку», «рѣшивъ крайне трудную, но не невоз-

¹⁾ „Критич. замѣтки“, стр. 72.

можную задачу развитія производительныхъ силъ страны въ интересахъ всего населенія»¹⁾.

И въ томъ же направленіи работала мысль Тулина, когда онъ въ уже упоминавшейся нами статьѣ его — «Экономическое содержаніе народничества и критика его въ книгѣ г. Струве», резюмируя отношеніе марксизма къ народничеству, писалъ: «народникъ толкуеть о выборѣ пути, ...о томъ, что государство должно стать на нравственную и политическую точку зрѣнія, какъ будто бы сила была уже на сторонѣ трудящихся или ихъ идеологовъ, и оставалось уже только указать «ближайшіе», «цѣлесообразные» и т. п. приемы употребить эту силу... Въ разрушеніи этой благонамѣренной и прекраснодушной лжи—основная теоретическая задача марксизма. Первая обязанность тѣхъ, кто хочетъ искать «путей къ человѣческому счастью»... «откровенно признать то, что есть»... Признать, что «мѣрой успѣха... стремленій» для идеологовъ трудящагося класса «является не разработка совѣтовъ «обществу» и «государству», а степень распространенія этихъ идеаловъ въ опредѣленномъ классѣ общества»²⁾.

И въ эту же сторону направлена полемика П. Струве, въ его статьѣ «Моимъ критикамъ», гдѣ онъ говоритъ о «мелкобуржуазномъ» прожектерствѣ народниковъ и бюрократизмѣ Ник.—она, «мечтающаго объ организаціи производства безъ борьбы общественныхъ интересовъ и классовъ, путемъ распространенія «здоровыхъ идей» и торжества «правильной хозяйственной политики».

И, наконецъ, недаромъ той же темой—«Наши утописты» занимается П. Струве свою серію статей въ «Новомъ Словѣ».

Этого рода утопизмъ въ «экономикѣ», въ вопросахъ «хозяйственной политики»—былъ непосредственно связанъ, какъ мы уже старались показать, со всей политической позиціей, занятой идеологіей предыдущаго періода. Беря точкой отправленія эту тему, легальный марксизмъ удобно и легко—варьируя ту аргументацію, которая была выработана Группою Освобожденія труда, въ борьбѣ какъ съ революціоннымъ утопизмомъ народолюбцевъ, такъ и съ конституціоннымъ утопизмомъ либераловъ, могъ вести свою кампанію противъ этой идеологіи во имя не только интересовъ своего собственного развитія, т. е. интересовъ и задачъ рабочаго движенія, но и во имя запросовъ всѣхъ тѣхъ демократическихъ элементовъ вообще, которые стояли передъ ясно сознаанной необходимостью борьбы съ полицейскимъ государствомъ.

Въ томъ и заключалось историческое значеніе выступления марксистскаго «Новаго Слова» въ 1897 г.³⁾, т. е. вскорѣ послѣ знаменательной стачки петер-

¹⁾ Бельтовъ. „Къ вопросу о развитіи монистическаго взгляда на исторію“ стр. 53—57.

²⁾ См. Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія, СПб. 1895 г., часть II, стр. 45—46.

³⁾ Отмѣтимъ, что изъ революціонныхъ марксистовъ въ „Новомъ Словѣ“ участвовали Г. В. Плехановъ (Каменскій), В. И. Засуличъ (В. Ивановъ) статьями: „Крѣпостная подкладка прогрессивныхъ рѣчей“ и „Плохая выдумка“; Вл. Ильинъ, „Къ характеристикѣ экономич. романтизма“, Л. Мартовъ (дебютировалъ ст. „Народничество прежде и теперь“). Въ редактированіи журнала принимали участіе П. Струве (писалъ также внутрен. обзор. и ст. „На равныя темы“ за подписью Novus), Туганъ-Барановскій, А. М. Калмыкова и Поссе. Дѣятельнымъ сотрудникомъ журнала былъ также С. Булгаковъ (Nemo).

бургскихъ твачей, приковавшей вниманіе демократіи къ пролетаріату, что оно явилось моментомъ совпаденія этихъ двухъ категорій интересовъ. Мотивы марксизма въ томъ объемѣ, который былъ поставленъ марксизму неразвитостью общественнаго движенія, свободно и безъ треній кооперировали съ мотивами того демократизма, который въ первыхъ шагахъ пролетарскаго движенія черпалъ силу для своего политическаго радикализированія ¹⁾).

«Пора признать всѣ споры о «просвѣщеніи» законченными и безъ разглагольствованій заняться исключительно дѣломъ *всесторонняго просвѣщенія*» — писалъ Струве ²⁾, въ эту эзоповскую форму облачая ту центральную тему, которая занимала безъ исключенія всѣхъ писателей «Новаго Слова» отъ революціонныхъ марксистовъ и кончая тѣми случайными демократическими сотрудниками, которые въ письмахъ изъ провинціи говорили о классовой подоплежкѣ земствъ, о дифференціаціи крестьянства, о земледѣльческихъ артеляхъ Левицкаго и были объединены одной мыслью — о томъ, что тотъ процессъ жизни, который они воспроизводятъ, заключаетъ въ себѣ, при всѣхъ своихъ ужасахъ, элементъ своего внутренняго освобожденія, что у жизни есть своя «аннибаловская клятва», которую Струве призывалъ подслушать «сосредоточеннымъ отраженіемъ жизни».

Въ движеніи жизни, въ ея «усложненіи», какъ говорилось въ первомъ изъ внутреннихъ обзорній журнала, обоснованіе оптимизма: даже дворянскій консерватизмъ разлагается подъ вліяніемъ этого усложненія. Жизнь все больше мѣняетъ деревенскій укладъ на городской и все больше выдвигаетъ на авансцену центральное лицо этого уклада и освободителя общественной жизни России — городской промышленный пролетаріатъ.

«Центръ тяжести въ разстояніи и различіи между двумя укладами жизни, — городскимъ и сельскимъ» — писалъ Струве ³⁾, полемизируя съ Михайловскимъ по поводу чеховскихъ «Мужиковъ».

Мы «чужды» — говорилъ онъ — «идеализаціи города и городскихъ отношеній. Мы смотримъ на нихъ весьма реалистически и очень далеки отъ прикрашивающаго оптимизма. Но мы охотно винимся въ другого рода идеализаціи, въ которой не можетъ не быть повинна никакая реалистическая общественная идеологія. «Такая идеологія, говорили мы въ другомъ мѣстѣ, должна всегда сводиться къ идеализаціи тѣхъ или другихъ дѣйствующихъ въ исторической жизни силъ, должна представлять эти силы, какъ призванные осуществить ея общественные идеалы». Если объективныя тенденціи хозяйственнаго развитія оправдываютъ такую идеализацію, то, чѣмъ больше ея въ прогрессивной идеологіи, тѣмъ больше, значитъ, въ этой идеологіи связи съ реальными силами, творщими общественный прогрессъ. Итакъ, мы не только реалисты, мы также идеалисты и идеализаторы. Идеализаторы, но не романтики, потому что идеализируемъ не прошлое, а силу, растущую въ современной дѣйствительности» (Ibidem, стр. 67).

А какъ велико было нерасположеніе къ этой силѣ, непосредственно связан-

¹⁾ Отмѣтимъ, впрочемъ, что и тогда уже нѣкоторыя статьи «Новаго Слова» вызывали неудовольствіе марксистовъ. Мы имѣемъ ввиду ходившее тогда по рукамъ коллективное письмо-протестъ такъ называемымъ Самарцевъ. (П. П. Мамловъ и др.).

²⁾ Цитирую по книгѣ Струве «На разные темы», ст. «Мужики» Чехова, стр. 131.

³⁾ «Новое Слово», октябрь, 97 г., ст. «На разные темы» за подписью Novus, стр. 62.

ное съ традиціонной крестьянофильской идеологіей революціонныхъ и оппозиціонныхъ круговъ, можно судить хотя бы по тому, что писалъ Михайловскій, этотъ признанный вождь интеллигентскаго радикализма, отвѣчая Струве на его первую статью о «Мужикахъ». Для Михайловскаго жизнь, какъ крестьянъ, такъ и рабочихъ, была только—«одинаково темна и скудна», и «одинаково требовала» и «одинаково заслуживала участія» и, въ сущности, одинаково не заключала въ себѣ эмбриональныхъ элементовъ освободительнаго движенія Россіи. Даже болѣе того. Съ точки зрѣнія социологическихъ взглядовъ Михайловскаго, рабочій, по сравненію съ крестьяниномъ, представлялъ собою низшій «типъ развитія», а классовая борьба пролетаріата являлась лишь школой озвѣрѣнія, которая дастъ въ результатъ «живые трупы» съ «остервенѣлыми лицами»¹⁾.

И еще рѣзче свое отношеніе къ рабочему, какъ социологическому типу, формулировалъ В. В.: «Пролетарій не можетъ имѣть зиждительной силы—писалъ онъ въ «Нашихъ направленіяхъ», не можетъ на почвѣ существующаго строя выработать что-либо способное обновить міръ, дать новое направленіе социальной жизни... Творцомъ новыхъ социальныхъ формъ можетъ быть классъ общества, связанный съ существующимъ положительными, а не отрицательными нитями; классъ, играющій въ немъ извѣстную самостоятельную роль—классъ феодаловъ, буржуазіи, крестьянства, но не классъ наемниковъ, пролетаріевъ». «И, дѣйствительно, какія творческія силы и способности можетъ развить въ пролетаріи обстановка его жизни, при которой $\frac{3}{4}$ своего бодрственнаго состоянія онъ служитъ придаткомъ мертваго механизма, приводимаго въ движеніе волею одного лица... не участвуя ни мысляю, ни чувствомъ въ процессы, съ которыми онъ связанъ лишь своимъ тѣломъ, а остальную четверть времени, когда онъ не спитъ, рабочій посвящаетъ отдыху, проводя его въ семьѣ, бібліотекѣ, въ кабацѣ, на улицѣ., но не имѣя возможности въ сколько-нибудь значительной степени развивать въ себѣ активныя социально-психологическія свойства». И отсюда—заключеніе: «пролетаріатъ можетъ представлять интересъ, какъ сила разрушительная, но не какъ основа созидательной социальной работы»²⁾.

И о томъ же отношеніи интеллигенціи къ пролетаріату свидѣтельствуютъ и слова Плеханова, вырвавшіяся у него еще въ концѣ 80-годовъ. Онъ писалъ: «Они (интеллигенты) кричатъ теперь: не нужно намъ рабочихъ! Придетъ время, когда они запоютъ совсѣмъ другое и прикинутся лучшими друзьями рабочаго класса (именно, когда они увидятъ, что рабочіе могутъ быть полезны имъ въ борьбѣ...). Но пусть же русскіе рабочіе не забываютъ теперешняго отношенія къ нимъ подобнахъ господъ «интеллигентовъ». Пусть они отплатятъ имъ равнодушіемъ за равнодушіе, презрѣніемъ за презрѣніе...»³⁾.

Неудивительно поэтому, что «Новому Слову» приходилось опять и опять—продолжая многолѣтнія усилія заграничныхъ русскихъ социаль-демократовъ—заботиться о томъ, чтобы «растущая сила современной дѣйствительности» пред-

¹⁾ См. о взглядахъ Михайловскаго болѣе подробно въ моей статьѣ «Современная Весталка»—«Этюды о русской интеллигенціи», 1906 г.

²⁾ В. В., «Наша направленія», стр. 139—141.

³⁾ См. предисловіе Плеханова къ брош. «Рѣчь» П. Алексѣева, Женева, 1889 г.

ставилась сознанию демократической интеллигенции не въ образѣ «пьяницы, развратника и совершеннаго нигилиста», о которомъ повѣствовала реакціонная печать, и не въ видѣ только «молодежи», «поблеклой, но съ ухарскими манерами, съ дерзкимъ, вызывающимъ взглядомъ», о которой говорилось въ одномъ изъ очерковъ «Русскаго Богатства», а, наоборотъ, какъ та «человѣческая личность», которая, выростая на фонѣ «городскаго уклада», заключаетъ обитованіе грядущаго. Но, по условіямъ подцензурной печати того времени, журналъ не могъ оперировать для этого съ конкретными подробностями русскаго рабочаго движенія, ссылаться, напр., на ту большую петербургскую стачку ткачей, которая недавно передъ тѣмъ произвела такое огромное впечатлѣніе на самые различные слои демократической интеллигенции. Потому то Струве, реплицируя Михайловскому, и принужденъ былъ осторожно исходить изъ фактовъ культурнаго движенія.

«Мы должны еще больше почитать, писалъ онъ, тотъ идеализмъ, энтузіазмъ и даже героизмъ, который проявлялъ и проявляетъ русскій рабочий, идущій на ученіе послѣ 12—13 часовъ работы, отдающій тому же ученію значительную часть своего воскресенья. Взоры «пьяницы», «развратника» и «совершеннаго нигилиста» не только «дераки» и «вызывающіе», часто они испытующе вперяются въ окружающую дѣйствительность, нерѣдко они уже сознательно стремятся охватить прошлое, настоящее и будущее человѣчества и добиваются рѣшенія «проклятыхъ вопросовъ»¹⁾.

Но если «героическій» «идеализмъ» пролетариата не поддавался литературному учету въ своемъ наиболѣе выразительномъ проявленіи, въ видѣ перипетій начавшейся въ Россіи борьбы, то зато тѣмъ возможнѣе было—и это дѣлало «Новое Слово»—подходить къ той же темѣ съ другого конца: съ одной стороны, подробно останавливаясь на заграничномъ рабочемъ движеніи и его политическихъ формахъ, и съ другой—на общихъ условіяхъ измѣненія экономическаго уклада, приводящихъ къ тому, что «крестьянинъ добраго стараго времени», который «не долженъ былъ «вникаться» подъ страхомъ умопомѣшательства», оттѣсняется «трудящимся человѣкомъ нашихъ дней», который «обязанъ «вникаться» просто въ силу экономическаго своего положенія, хотя бы только для того, чтобы отстаивать свое существованіе въ борьбѣ съ неблагоприятными, но вѣчно подвижными, вѣчно измѣнчивыми экономическими условіями», которому, «какъ Фигаро, нужно больше ума, чѣмъ требовалось его «для управленія всѣми Испаніями». «Эта колоссальная разница—писалъ Н. К. (Г. В. Плехановъ)—существенно измѣняющая весь характеръ трудящейся массы, а съ нимъ вмѣстѣ и всѣ шансы нашего дальнѣйшаго историческаго развитія»²⁾.

А изъ этой точки зрѣнія, проходящей лейтъ-мотивомъ черезъ всѣ 9 книжекъ журнала, непосредственный практическій выводъ, который дѣлался марксистами, былъ призывъ, обращенный въ демократической интеллигенціи, послужить историческому дѣлу пролетариата. Но если прежде марксисты обращались къ интеллигенціи, въ своемъ огромномъ большинствѣ продолжавшей оставаться

¹⁾ См. вышецитированную статью П. Струве въ „Новомъ Словѣ“, „Мужики“ Чехова и г. Михайловскій“, стр. 64.

²⁾ См. ст. Н. К. „Н. И. Наумовъ“, „Новое Слово“, май, 97 г., стр. 41.

равнодушно-скептической къ возможному движенію рабочаго класса въ Россіи, то теперь передъ ними была интеллигенція, уже начавшая свое новое «хожденіе въ народъ». И про эту интеллигенцію Плехановъ въ «Новомъ Словѣ» писалъ: «Призванная смѣнить народниковъ новая разновидность интеллигенціи неспособна относиться по-барски къ людямъ физическаго труда уже въ силу того убѣжденія, что историческое дѣло этихъ людей можетъ быть сдѣлано только ими самими. Она видитъ въ нихъ не дѣтей, которыхъ надо воспитать, не несчастненькихъ, которыхъ надо облагодѣтельствовать, а товарищей, съ которыми надо идти рядомъ, дѣля и радость, и горе, и пораженія, и побѣды, съ которыми предстоитъ проходить вмѣстѣ великую воспитательную школу историческаго движенія впередъ къ одной общей цѣли»¹⁾.

Спрашивается, какъ же представляла себѣ марксистская литература того времени ту очередную историческую задачу, во имя которой и совершался теперь процессъ радикализаціи демократической интеллигенціи подъ знаменемъ марксизма? Вѣдь, вопросъ о правильной постановкѣ этой задачи съ самаго начала стоялъ передъ русскими марксистами, онъ былъ въ числѣ главныхъ причинъ, побудившихъ Группу Освобожденія труда къ выдѣленію изъ стараго народничества и къ борьбѣ съ народофильствомъ. Отъ брошюры «Соціализмъ и политическая борьба» и вплоть до работы Аксельрода «Историческое взаимоотношеніе» происходило, какъ мы видѣли, дебатированіе этого вопроса революціоннымъ марксизмомъ. Но «легальная» литература марксизма, по условіямъ своего существованія, не могла дать на него прямого и яснаго отвѣта. Чтобы найти этотъ отвѣтъ и отвѣтъ, характеризующій именно данную полосу въ развитіи русскаго марксизма, мы должны обратиться къ двумъ нелегальнымъ документамъ, тѣсно связаннымъ съ движеніемъ умовъ въ тогдашней марксистской интеллигенціи. Мы имѣемъ въ виду «Задачи русскихъ социалдемократовъ» Вл. Ильина и статью Струве (Петербуржецъ) въ № 3—4 «Работника».

Вл. Ильинъ въ своей брошюрѣ не опредѣляетъ того соотношенія общественныхъ силъ, которое могло бы привести—и приведетъ—къ паденію абсолютизма. Нельзя, говоритъ онъ, заранее учесть ни «состоянія рабочаго движенія», ни «широты выработанныхъ приемовъ борьбы», ни «свойства руководящей движеніемъ революціонной организаціи», ни «отношенія къ пролетариату и абсолютизму другихъ общественныхъ элементовъ», ни, наконецъ, «условія внутренней и внешней политики», при которыхъ будетъ нанесенъ «рѣшительный ударъ абсолютизму». Но есть одно обстоятельство, которое имъ тѣмъ не менѣе предпрѣшается, а именно, что этотъ ударъ будетъ нанесенъ «организаціей», руководящей классовою борьбой пролетариата; Вл. Ильинъ только отказывается «разсуждать» «напередъ о томъ, къ какому средству въ этомъ случаѣ организація прибѣгнетъ», «предпочтетъ ли она, напр., возстаніе, или массовую политическую стачку, или другой приемъ атаки»...

Въ статьѣ же «По поводу петербургской стачки» въ «Работникѣ» за подписью «Петербуржецъ», Струве, съ своей стороны, отправляется отъ положенія, что самодержавный политическій строй Россіи «и существуетъ потому, что всѣ

¹⁾ Ibid., стр. 41.

другіе классы русскаго общества (кроме рабочаго. А. П.) оказывались до сихъ поръ,—по тѣмъ или инымъ причинамъ—противъ него безсильными. Они, т. е. эти имущіе классы, пользуются существующимъ политическимъ строемъ, они управляютъ Россіей..., какъ нѣкогда помѣщичьей вотчиной управляли хитрые бурмистры или всесильные дворецкіе, которымъ господа и ихъ первые слуги говорили «ты», хотя и паясали подъ ихъ дудку»... Одинъ только пролетаріатъ является въ Россіи «революціоннымъ классомъ»: «онъ не только страдаетъ отъ существующаго политическаго строя, какъ земледѣльцы-крестьяне, онъ всѣмъ своимъ положеніемъ вынужденъ и съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе будетъ вынуждаться вести борьбу съ самодержавіемъ... Лишь въ немъ всегда возможны массовыя движенія, которымъ не могутъ положить предѣла никакія правительственныя мѣропріятія..., лишь рабочихъ, какъ цѣлый классъ, грамотность и образованіе будутъ толкать къ осуществленію задачъ, непримиримыхъ съ общественнымъ безправіемъ».

И отсюда—резюме: «русское рабочее движеніе, проникнутое социалдемократическими идеями, будетъ главнѣйшей силой, которая своимъ непрерывнымъ развитіемъ низвергнетъ существующій политическій строй, основанный на полномъ безправіи народныхъ массъ и отдѣльныхъ личностей». Интеллигенція же «въ лицѣ своихъ наиболѣе энергичныхъ и радикальныхъ представителей должна слиться съ рабочимъ движеніемъ и тѣмъ яснѣе выступаетъ политическая задача этого движенія, тѣмъ легче слиться съ нимъ наиболѣе сознательнымъ элементамъ интеллигенціи. Соприкосновеніе съ революціоннымъ общественнымъ классомъ, съ классомъ рабочихъ, превратитъ эту дремлющую духовную силу въ силу дѣйствующую и общественную»... «Русское рабочее дѣло—... вѣрное дѣло». Ибо «даже, если бы въ Россіи не существовало внутреннихъ революціонныхъ силъ, достаточныхъ для низверженія... строя, этотъ строй, рано или поздно, неминуемо столкнулся бы съ европейской социалдемократіей и разбился бы о нее»... Русскій старый режимъ «во всякомъ случаѣ осужденъ исторіей на смерть въ очень недалекомъ будущемъ». Итакъ, «тѣмъ или другимъ способомъ помогая рабочему дѣлу, всякій русскій человекъ будетъ двигать впередъ великое общенародное дѣло: завоеваніе политической свободы».

Мы не случайно сопоставили заявленія этихъ двухъ столь различныхъ представителей тогдашняго марксистскаго движенія, изъ которыхъ одинъ былъ непосредственно связанъ съ подпольной работой социалдемократическихъ кружковъ, а другой—являлся наиболѣе яркимъ выразителемъ тенденцій, приведшихъ къ марксизму буржуазно-демократическую интеллигенцію. Намъ было важно отмѣтить по существу одинъ и тотъ же прогнозъ, дѣлавшійся этими писателями, одно и то же представленіе ихъ о силахъ политическаго преобразования Россіи: представленіе о гегемоніи въ освободительной борьбѣ пролетаріата и его социалдемократическаго авангарда, о гегемоніи въ смыслѣ непосредственнаго руководительства дѣломъ освободительной борьбы всѣхъ общественныхъ элементовъ Россіи.

Прежній «желательный и сильный союзникъ другихъ болѣе или менѣе революціонныхъ партій» (см. стр. 565) въ построеніяхъ Плеханова (а также Аксельрода), незамѣтно утрированный, превратился въ универсальную силу, въ того всеобъемлющаго освободителя, для котораго всѣ прочіе общественные элементы въ

грядущемъ переворотѣ оказываются подсобными и подчиненными. И—насмѣшка исторіи—въ статьѣ «буржуазнаго» Струве, пожалуй, болѣе рѣшительно и громко, чѣмъ у социалдемократа Ильина, звучитъ эта нота—предвѣстница той будущей концепціи, которая въ работахъ Ленина нашла свое специфическое развитіе. А получался этотъ результатъ потому, что Струве, съ одной стороны, подобно Плеханову, предполагалъ возможнымъ поглощеніе социаль-демократіей «демократическихъ элементовъ общества» ¹⁾, а съ другой—оставлялъ внѣ учета либеральную буржуазію, съ которой считался Плехановъ. Такимъ образомъ и слагалась концепція, гласившая, что въ Россіи, внѣ пролетаріата, нѣтъ силы, которая могла бы серьезно противопоставить себя абсолютизму, но зато пролетаріатъ есть сила достаточная, чтобы рано или поздно, при содѣйствіи «помогающихъ рабочему дѣлу всѣхъ русскихъ людей» справиться съ этимъ абсолютизмомъ. Это центральная мысль Струве, представляющая въ то же время не только основную предпосылку для взглядовъ опредѣленныхъ круговъ социалдемократіи, но и выраженіе широко разлитого по всей демократической интеллигенціи непосредственнаго ощущенія весьма реального факта дѣйствительности ²⁾.

Фактъ же былъ тотъ, что имѣлось на лицо, какъ мы уже раньше говорили, начинавшееся движеніе рабочаго класса и не было вовсе движенія въ какомъ либо другомъ общественномъ классѣ или слоѣ. Такое положеніе вещей—пока оно длилось,—представляя собою препятствіе для самостоятельнаго пути буржуазно-демократическаго развитія, давало въ результатѣ одно изъ двухъ: или демократія оставалась внѣ сферы вліянія развертывавшагося рабочаго движенія, но это была наименѣе активная ея часть, или же она попадала въ эту сферу и, разъ уже попавъ, становилась плѣнницей того направленія мысли и того умонастроенія, которое, въ конечномъ своемъ выводѣ, приводило къ вышеналоженному взгляду.

Мы остановились сейчасъ на кульминаціонномъ пунктѣ въ распространеніи марксистскихъ идей, на моментѣ ихъ максимальнаго господства въ широкихъ кругахъ интеллигенціи. Еще совсѣмъ недавно передъ тѣмъ, въ началѣ 90-хъ годовъ, по свидѣтельству Струве, со злорадствомъ въ свое время подхваченному В. В., марксизмъ не находилъ себѣ пристанища въ прогрессивныхъ журналахъ. Онъ былъ часто травимъ и всегда обреченъ на молчаніе въ отвѣтъ на нападенія противниковъ. Такъ, Михайловскій уже въ 1892 году начинаетъ метать свои первыя стрѣлы противъ незримыхъ еще на поверхности литературы и жизни русскихъ «учениковъ Маркса» и ихъ мнимаго стремленія къ обезземеленію крестьянства. Такъ, въ слѣдующемъ затѣмъ году, В. В. регистрируетъ «оживленіе буржуазной тенденціи среди русской интеллигенціи», а Н.—онъ заканчиваетъ свои «Очерки нашего пореформеннаго общественнаго хозяйства» по-

¹⁾ Ср. выше, стр. 566.

²⁾ Это была и господствующая мысль манифеста р. с. д. р. п. 1898 г., въ которомъ говорилось, что «нужную ему политическую свободу русской пролетаріатъ можетъ завоевать себѣ только самъ. Чѣмъ дальше на востокъ Европы, тѣмъ въ историческомъ отношеніи слабѣе, трусливѣе и подлѣе становится буржуазія, тѣмъ большія культурныя, политическія задачи выпадаютъ на долю пролетаріата. На своихъ крѣпкихъ плечахъ русской рабочей классъ долженъ вынести и вынести дѣло завоеванія политической свободы».

лемическимъ выпадамъ противъ нѣмецкихъ статей «г. П. фонъ Струве». И только въ 1894 году марксизмъ получаетъ, наконецъ, возможность парировать эту дружную атаку почти одновременнымъ появленіемъ въ свѣтъ книгъ Бельтова и Струве. Зато съ этого момента наступаетъ рѣшительный переломъ въ его судьбахъ, и марксизмъ, несмотря на чрезвычайно неблагоприятно сложившіяся цензурныя условія, быстро завоевываетъ себѣ одно мѣсто за другимъ въ періодической печати. Правда, въ 1895 г. ему не удастся еще провести сквозь игольное ухо цензуры сборникъ «Матеріалы для характеристики нашего хозяйственнаго развитія», получившій тѣмъ не менѣе распространеніе въ публикѣ; ему не удастся затѣмъ удержаться [и въ ежедневномъ «Самарскомъ Вѣстникѣ»¹⁾], марксистскій періодъ котораго заканчивается, едва успѣвши начаться. Но тѣмъ не менѣе уже къ марту 1897 года марксизмъ получаетъ на нѣкоторое время въ лицѣ перешедшаго изъ рукъ народниковъ «Новаго Слова» свой подлинный центръ пропаганды и свой первый большой періодическій органъ въ предѣлахъ Россіи. Въ декабрѣ того же года «Новое Слово» закрывается — распоряженіемъ четырехъ министровъ. И однако, марксистское теченіе, едва потерявъ свой объединяющій центръ, расплывается далѣе вширь, окрашивая собою, — въ большихъ или меньшихъ дозахъ, — замѣтную часть ежемѣсячныхъ журналовъ того времени. Еще раньше появленія марксистскаго «Новаго Слова», «Русская Мысль» пріоткрываетъ свои двери марксистамъ для «писемъ въ редакцію»; далѣе, «Міръ Божій», особенно въ лицѣ своего критическаго обозрѣвателя, народоуправца Богдановича, постепенно захлестывается новой волной; становится марксистскимъ въ своей общественной части «Научное Обзоріе» Филиппова, лишенное, впрочемъ, политическаго отдѣла; мелькаютъ марксистскіе тона тамъ и здѣсь въ провинціальной прессѣ; и, наконецъ, къ январю 1899 г., т. е. уже ко времени новаго перелома въ идейномъ настроеніи демократическихъ круговъ, появляются «Жизнь» и «Начало».

И та же, но еще болѣе отчетливая тенденція къ утвержденію марксизма даетъ себя знать и въ произведеніяхъ нелегальной печати. «Наше Время» народоуправцевъ, какъ и народовольческія изданія, выходившія въ Петербургѣ, воспринимаютъ марксизмъ и концентрируютъ вниманіе на пролетариатѣ не въ меньшей степени, чѣмъ, напр., листки социалдемократическихъ «Союзовъ Борьбы», чѣмъ петербургская «Рабочая Мысль» или заграничный «Работникъ». Такимъ образомъ, получалось для даннаго момента что-то въ родѣ общаго положенія, гласившаго, что все, хотя бы отдаленно имѣющее отношеніе къ политически-активному настроенію, связано съ марксизмомъ, и, наоборотъ, не имѣющее связи или стоящее къ марксизму въ оппозиціи, тѣмъ самымъ находится внѣ сферы какаго бы то ни было практическаго дѣйствія. Вѣдь, въ самомъ дѣлѣ, въ то время какъ изъ-за легальнаго марксизма вырисовывалась начальная стадія социалдемократическаго] движенія и стачечной борьбы пролетариата, изъ-за публицистики «Русскаго Богатства» за тотъ же періодъ смотрѣла одна лишь зѣлющая пустота практически-политическаго бездорожья.

И за то же трехлѣтіе, съ 1895 по 1898 гг., вмѣстѣ съ ростомъ марксистскаго теченія вширь, растетъ и способность его къ ассимиляціи по существу инородныхъ элементовъ демократіи. Припомнимъ, на примѣръ, въ какой сравни-

¹⁾ Въ немъ работали П. Масловъ, Санинъ, Циммерманъ (Гвоздевъ) и др.

тельно короткій срокъ марксизмъ успѣлъ утилизировать и въ себѣ поглотить и Туганъ-Барановскаго съ его симпатіями къ австрійской школѣ экономистовъ и съ его всегдашней неортодоксальностью, и Булгакова съ его неокантіанствомъ, писавшаго за подписью Нешо въ „Новомъ Словѣ“ статьи въ стилѣ Бельтова, и, наконецъ, мною уже не разъ цитированнаго Струве, съ свойственной ему быстротой совершившаго эволюцію отъ межеумочныхъ въ социальномъ политическомъ отношеніи „Критическихъ замѣтокъ“ къ вышеуказанной статьѣ „Петербуржца“, въ докладу русскихъ социалдемократовъ объ аграрномъ вопросѣ на международный социалистическій конгрессъ въ Лондонѣ и къ имъ же составленному извѣстному манифесту р. с. д. р. п.

Но этотъ изумительный успѣхъ имѣлъ и свою обратную сторону. Приспосабливая къ своимъ нуждамъ демократію, марксизмъ въ то же время накапливалъ въ своей собственной средѣ элементы своего разложенія. Даже и въ эпоху ея наивысшаго расцвѣта, литература легальнаго марксизма заключала въ себѣ черты, затѣвныя, правда, господствующей тенденціей времени, но тѣмъ не менѣе въ своемъ родѣ провиденціальныя, симптоматическія. Мы напомнимъ, напр., ту статью П. Струве въ «Новомъ Словѣ» о «Международномъ конгрессѣ по вопросамъ охраны рабочихъ», которая своеобразно сочетала взгляды, предвосхищавшіе во многомъ бернштейновскую критику марксизма, съ характерной для переживаемаго момента оптимистической концепціей всеобщаго движенія социалдемократіи.

Что же позволяло этимъ взглядамъ — до извѣстнаго момента — оставаться въ предѣлахъ марксистской литературы, не получая дальнѣйшаго развитія и не нарушая ея общаго политическаго облика? Это значитъ, иными словами: что давало возможность буржуазной демократіи вообще, находившейся подъ дѣйствіемъ контраста между пролетарскимъ движеніемъ и собственнымъ безсиліемъ, не ощущать до поры до времени неудобства этой гегемоніи марксизма и не искать самостоятельнаго выхода? Безъ всякаго сомнѣнія: элементарность легальнаго марксизма. Въ самомъ дѣлѣ, нетрудно убѣдиться, хотя бы сравненіемъ марксизма второй половины 90-хъ годовъ съ марксизмомъ Группы Освобожденія труда, насколько былъ суженъ кругъ вопросовъ и какъ упрощена была постановка, по сравненію съ прежней, той политической проблемы, которая продолжала, какъ и раньше, быть нервомъ марксистскаго теченія.

Пролетаріатъ-освободитель! Но этотъ въ то время признанный тезисъ еще не получилъ своей конкретизаціи и не возбуждалъ — пока что — дальнѣйшихъ программныхъ, тактическихъ и организационныхъ вопросовъ; не возбуждалъ потому, что эта — по выраженію Струве — «идеализація» пролетаріата, облеченная въ марксистскую идеологію, отражала лишь элементарный процессъ пробужденія рабочаго класса, да еще неопредѣленное броженіе въ средѣ демократической интеллигенціи, для своего выраженія еще не нашедшее самостоятельной формы.

При данныхъ условіяхъ, очевидно, — всякое дальнѣйшее развитіе общественныхъ отношеній должно было подкапываться подъ это состояніе неустойчиваго равновѣсія, и достаточно было небольшого толчка, стоило только ослабить гипнозу, производимому движеніемъ рабочаго класса на интеллигенцію, чтобы

таившіяся въ легальномъ марксизмѣ центробѣжныя силы принялись за работу разрушенія.

Этотъ первый толчекъ былъ данъ совокупнымъ дѣйствіемъ кризиса марксизма на Западѣ и начавшагося движенія у насъ въ широкихъ кругахъ самой демократической интеллигенціи.

Но еще прежде, чѣмъ наступилъ этотъ новый переломъ, показались уже признаки, говорившіе о неустойчивости всего положенія.

Въ средѣ той части интеллигенціи, которая непосредственно соприкасалась съ движеніемъ пролетаріата, начинала слагаться теорія такъ называемаго «экономизма». Т. е. въ этой формѣ демократическая интеллигенція впервые совершила разрывъ той связи, которая въ ея представленіи соединяла пролетаріатъ — какъ «растущую силу современной дѣйствительности», съ задачей политическаго освобожденія Россіи. Она совершила этотъ разрывъ подъ впечатлѣніемъ отъ элементарности, стихійности и малой сознательности первыхъ шаговъ рабочаго стачечнаго движенія. Это конкретное движеніе конкретнаго пролетаріата такъ мало походило на умопостигаемое того «идеализованнаго» (см. Струве), которому предназначалась историческая миссія всеобщаго освободителя!

Практическій же выводъ, который подсказывался этой первичной реакціей на отсталость и замедленность рабочаго движенія для той интеллигенціи, которая была уже связана всей своей пропагандистской и агитационной работой съ движеніемъ пролетаріата, означалъ отказъ отъ фактическаго участія въ разрѣшеніи очередной политической задачи Россіи во имя повседневной борьбы рабочаго класса за частичныя улучшения въ его экономическомъ и юридическомъ бытѣ, на почвѣ существующаго политическаго строя. Этотъ выводъ сдѣлала въ свое время «Рабочая Мысль», едва ли не единственный послѣдовательный органъ своего рода возрожденнаго въ марксизмѣ аполитическаго народничества.

Но этого вывода сдѣлать не могла вся та демократическая интеллигенція въ цѣломъ, которая пошла за марксизмомъ. Не могла тѣмъ болѣе, что «разочарованіе» въ пролетаріатѣ совпадало съ растущимъ политическимъ броженіемъ и соответствующимъ развитіемъ самосознанія въ ея собственной средѣ.

Марксизмъ вывелъ радикализирующуюся демократическую интеллигенцію изъ туника предыдущаго періода, связавъ ея политическія надежды съ определеннымъ общественнымъ классомъ. Но онъ фиксировалъ надежды на этой внѣшней спасающей силѣ, предоставивъ остальнымъ элементамъ общественной среды значеніе и роль лишь постольку, поскольку они захотѣли бы выступить, какъ вспомогательныя средства для той же единственной силы. Онъ санкціонировалъ движеніе интеллигенціи въ рабочую среду, но онъ санкціонировалъ одно лишь это движеніе. Неудивительно, поэтому, что болѣшая часть демократической интеллигенціи, которая, вовлеченная въ сферу марксистскихъ идей, тѣмъ не менѣе не хотѣла или не могла найти для себя приложенія силъ въ обслуживаніи пролетаріата, что эта интеллигенція должна была вскорѣ почувствовать несоотвѣтствіе марксизма ея собственнымъ задачамъ и цѣлямъ.

И дѣйствительно, почти немедленно вслѣдъ за первыми проявленіями «экономизма», уже въ самомъ началѣ 1899 года, появляется, какъ необходимое дополненіе къ этому теченію въ средѣ интеллигенціи, практически работающей въ

пролетариатъ, литературный документъ, извѣстный подъ названіемъ «Credo» — этотъ первый бунтъ демократіи противъ марксизма, ея первая попытка себя отъ него эмансипировать.

✓ «Марксизмъ нетерпимый, марксизмъ отрицающій, марксизмъ примитивный... уступить мѣсто марксизму демократическому, а общественное положеніе партій въ нѣдрахъ современнаго общества должно рѣзко измѣниться. Партія признаетъ общество, ея узко-корпоративныя въ большинствѣ случаевъ, сектантскія задачи расширяются до задачъ общественныхъ и ея стремленія къ захвату власти преобразуются въ стремленія къ реформированію современнаго общества въ демократическомъ направленіи, приспособительно къ современному положенію вещей съ цѣлью наиболее удобной, наиболее полной защиты правъ (всяческихъ) трудящихся классовъ».

Вотъ прогнозъ — пожеланіе, дѣлавшееся Credo по отношенію къ международной социаль-демократіи; прогнозъ того же Credo по отношенію къ Россіи звучалъ еще болѣе рѣшительно.

✓ Развитие рабочаго движенія идетъ по линіи наименьшаго сопротивленія. Эта линія на Западѣ была направлена въ сторону политической дѣятельности. У насъ, наоборотъ, она «никогда» въ эту сторону «не будетъ направлена». Поэтому всѣ «разговоры о самостоятельной рабочей политической партіи суть не что иное, какъ продуктъ переноса чужихъ задачъ, чужихъ результатовъ на нашу почву». «Для русскихъ марксистовъ исходъ одинъ: участіе, т. е. помощь экономической борьбѣ пролетариата, и участіе въ либеральной оппозиціонной дѣятельности».

Передъ нами, такимъ образомъ, впервые выступаетъ несомнѣнное начало процесса ликвидаціи марксистскаго періода и впервые уже намѣчается линія, по которой пойдетъ дальнѣйшее развитіе буржуазно-демократическихъ идеологій. Русский пролетариатъ ведетъ только борьбу за частичныя улучшенія своего экономического положенія. Онъ неспособенъ къ образованію самостоятельной политической партіи, онъ, отнюдь, не является тѣмъ «всеобщимъ освободителемъ», какимъ его представляла увлеченная марксизмомъ демократія. Отсюда практический выводъ: старый марксизмъ излишенъ и вреденъ, его надо реформировать — говорило Credo. Его можно совсѣмъ упразднить, скажетъ скоро демократія. Но оба въ одинъ голосъ заявятъ о необходимости реабилитаціи потерявшаго, было, кредитъ либерально-оппозиціоннаго общества.

Такъ начинался переходъ къ новому, самому сложному и вмѣстѣ съ ходомъ событій все усложнявшемуся, третьему періоду въ развитіи предреволюціонной эпохи.

III. Отъ марксизма къ идеализму. Возрожденіе революц. народничества. Революціонный марксизмъ.

Хронологически мы опредѣлили бы этотъ переходъ, какъ приблизительно время съ 99 и по 1901 годъ, т. е. мы бы поставили его пограничными вѣхами волненія студентовъ 1899 года на одномъ его концѣ, и на другомъ — тотъ узелъ движеній различныхъ общественныхъ группъ, который получилъ свою завязку въ февральскіе и мартовскіе дни 1901 года.